

Лев Голубев-Качура

Я найду, кто убил тебя!

Триллер

Лев Голубев-Качура

Я найду, кто убил тебя! Триллер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36329609

ISBN 9785449326560

Аннотация

Это произошло с жителем Москвы, бизнесменом средней руки, Алексеем Иваницким. Алексей попадает в тюрьму за убийство своего компаньона на двенадцать лет, теряет дело рук своих – бизнес, любимую девушку, друзей, но жизнь полна неожиданностей... Он совершает дерзкий побег из мест «не столь отдалённых», тонет в полынье, заболевает, сражается со стаей голодных волков, но всё же добирается до родного города. На своём нелёгком пути в поисках настоящего убийцы он встречает верных, бескорыстных друзей...

Я найду, кто убил тебя!

Триллер

Лев Голубев-Качура

© Лев Голубев-Качура, 2018

ISBN 978-5-4493-2656-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...»
(Н. Островский «Как закалялась сталь»)

«Жизнь прожить, не поле перейти!» – эта, всем давно известная народная мудрость, как нельзя лучше характеризует то, что произошло с бизнесменом средней руки – Иваницким Алексеем.

Алексея обвиняют в убийстве лучшего друга и компаньона, сажают в тюрьму на двенадцать лет. Он теряет свой бизнес, но... жизнь, как говорится, полна неожиданностей. На своём нелёгком пути он встречает настоящих друзей.
Часть первая

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ № * * *

Выбирай себе друзей не по красоте лица
или тугому кошельку. Выбирай по преданности и бескорыстию!

Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Самодельные, подбитые камысом, широкие лыжи, резво перемещали меня по ровной глади замёрзшей реки. Я бежал по хорошо накатанному чужому следу, который всё дальше и дальше уводил меня от лагеря, охранников и собак.

Сверху, над головой, в глубине антрацитового неба, ярко мерцали зимние звёзды. Их было много, так много, что, казалось, над головой не небо, а звёздный ковёр. На небе – ни тучки. Было время полнолуния, но луна ещё не выплыла из-за горизонта, и я ориентировался только по едва заметному, чуть тёмнеющему лыжному следу.

Было, наверное, градусов пятнадцать-двадцать мороза, и старенький шарф, прикрывающий почти всё лицо, кроме щелки для глаз, мало помогал. Мороз обжигающими иголками проникал во все щели моей, не очень-то приспособленной для такой погоды, одежды. И, чтобы не замёрзнуть окончательно, я продолжал работать ногами и отталкиваться подобранной на льду сучковатой палкой.

Вокруг темно, но моя фигура, я это хорошо представлял,

чёрным пятном выделяется на белом снегу, и я всё время произвольно ожидал окрика «Стой, буду стрелять!», или того хуже – автоматной очереди без предупреждения.

За ночь мне нужно было преодолеть километров сорок пять, чтобы успеть добраться до ближайшего кордона и там укрыться в домике Захарыча на день, на два – как получится. И, я старался, старался изо всех сил. Пар валил изо рта, намерзал на отросшей бороде сосульками, а телу постепенно становилось всё теплее, но и усталость с каждым часом всё больше одолевала меня. Не думал я, что так ослабел за время «сидения» в ЗОНЕ, с огорчением подумал я, продолжая продвигаться вперёд.

Небо над головой медленно-медленно поворачивалось вокруг какой-то своей, только ему известной оси, и звёзды так же медленно смещались со своих мест.

Я уже не бежал, а шёл, с трудом переставляя ноги, и только усилием воли заставлял себя продолжать идти. Всё чаще я стал терять равновесие и падать, не помогала даже палка. Я был на пределе своих физических сил.

Ещё немного, ещё один шаг, уговаривал я себя, иначе... вся моя затея с побегом, превратится в пускание мыльных пузырей.

С трудом поднявшись после очередного падения, я вдруг обнаружил, что вокруг меня посветлело. Не так чтобы очень, но я стал чётче различать и лыжню и покрытые снегом крутые берега покрытой льдом и снежными наносами, реки.

Начался поздний зимний рассвет, и я вдруг отчётливо понял: мне не успеть к кордону, и на белом просторе реки моя человеческая фигура будет отчётливо видна с любого берега. Любой нечаянный зритель мог увидеть меня и у него, как у любого нормального человека, мог возникнуть вполне резонный вопрос – откуда я здесь появился? Что за идиот бегает ночами по реке?

Надо было принимать срочные меры, и как можно скорее.

Оглядевшись по сторонам в поисках подходящего укрытия, я двинулся в сторону правого, ярового, более крутого берега, возвышавшегося метра на полтора-два над уровнем замёрзшей реки.

Я надеялся, что там будет снежный нанос достаточной высоты, чтобы вырыть в нём лисью нору, залезть в неё и переждать светлое время суток, а заодно, дать отдых натруженным мышцам. Единственное, чего я боялся – замёрзнуть в норе, но Захарыч, прощаясь со мной, когда я засомневался, что в своём тюремном прикиде я не превращусь в ледяную глыбу, серьёзным тоном сказал: «Лёша, а ты закрой отверстие норы снежными кирпичами, вот и не будешь страдать от холода», и привёл мне в пример зимовку медведя в берлоге.... Тебе ещё жарко будет, добавил он улыбнувшись.

Ага, с лёгкой усмешкой подумал я, вспомнив совет Захарыча, сейчас на большее у меня не хватило сил, если бы на моём телеросло столько жира, как на нём, я бы тоже не боялся холода, а тут, посмотрите на меня – кожа да кости.

Я оказался прав, или мне просто повезло. Наметённый сугроб был достаточно большим, чтобы в нём вырыть укрытие-берлогу.

Достав из заплечного мешка небольшую, изъеденную ржавчиной и совершенно без ручки лопатку, я приступил к приготовлению лежбища. От усталости руки плохо слушались меня, и я с трудом вгрызался в спрессованный и обледеневший сугроб. Часто у меня наступало полуобморочное состояние, а в глазах темнело. Тогда я прекращал работу и отдыхал, но мой отдых не мог продолжаться долго – меня сразу начинал пробирать мороз. И я вновь медленно начинал вырезать снег.

После невероятных усилий я смог вырыть нору, достаточную, чтобы в ней полусогнувшись сидеть, поджав колени к животу, или лежать в позе зародыша.

Я устал..., я так устал, что у меня уже не было сил на какие-либо физические действия. Но надо было поесть, то есть, наполнить свой желудок, чтобы организм смог получить «топливо» для выработки энергии. Если я не буду питаться, подумал я, то меня надолго не хватит, я окончательно ослабну, а мороз довершит моё жизненное существование.

Кое-как пересилив себя, вытащил из мешка старенькую керосинку, которую подобрал Захарыч на свалке мусора, и которую я тщательно отремонтировал перед побегом, небольшой котелок и пачку вермишели быстрого приготовления, всем известный «Роллтон».

Зачерпнув снега, поставил котелок на керосинку. Дождавшись, когда вода закипит, всыпал вермишель, и через несколько минут еда была готова.

Поев, я совсем рассолодел. Спать, спать, срочно спать, сказал я себе, и полез в свою берлогу.

Забравшись в укрытие, я, приготовленными заранее снежными кирпичами заделал лаз в нору и, оставив небольшое отверстие для вентиляции, прилёг отдохнуть. Мгновенно глаза мои начали закрываться, и зевота то и дело стала одолевать меня.

После горячего завтрака, мне так неудержимо захотелось спать, что я мгновенно провалился в беспокойный, выматывающий сон...

Мне снилось, что я лежу, скорчившись в три погребели в нише, сделанной в основании камина, нише, которую мы с Захарычем в тайне от охранников и других заключённых сделали в самом начале кладки в особняке для какого-то местного нувориша. План побега разработал я, а Захарыч помогал мне в его реализации.

Не знаю, почему я ему доверился, и почему он решился помочь мне – то ли от того, что поверил в мою горькую историю, то ли имел какие-то свои планы, не знаю, но схоронку в камине делал он, а я только помогал.

И вот, теперь, на третьи сутки моего побега, я продолжал лежать под пышущим жаром, камином, дрожал от страха и почти не дышал. Я ничего не видел, но слышал каждое

движение в комнате.

Два вошедших солдата охраны громко делились своей мечтой о моей поимке и, как они заработают на мне по десять суток краткосрочного отпуска, съездят домой, повидаются с родными: «У меня подруга осталась беременная, донеслось до моего слуха. Я ей написал, чтобы перебиралась к моим родителям жить, так она, понимаешь, отказалась... – Приеду, силком перевезу её, лучше пусть будет под присмотром моих родителей, чем своих.... Так надёжнее, правильно?»...

А пока они вели разговор о доме, о своих любимых девушках и родственниках – ближних и дальних, их служебная овчарка лежала почти рядом со мной, за тонкой стенкой в половину кирпича и зевала, изредка постукивая хвостом по полу.

Из разговора охранников я понял, охрана посёлка продлится не менее десяти суток, и что на все близлежащие железнодорожные станции, дороги и тропы, высланы патрули. Но это меня не удивило, так как я об этом заранее узнал, когда готовился к побегу, да и Захарыч много чего поведал мне о здешних административных порядках.

Захарыч, по приходу солдат со сторожевой собакой, специально затопил камин, чтобы отбить у собаки мой запах и ещё, как-бы нечаянно, просыпал на пол горячий пепел. Испуганная овчарка, вскочив, отбежала к двери и там улеглась.

Это мне рассказал, посмеиваясь, Захарыч уже после ухода

солдат.

Солдаты, погревшись и выкурив по сигарете, ушли. Я облегчённо вздохнул и чуть расслабился. Находиться в нише под пылающим над тобой пламенем, было не очень-то комфортно. Несмотря на специальные отдушины, жар всё-таки изрядно меня донимал, но другого выхода не было. Я терпел, зная, на что иду. Это был единственный для меня способ оказаться на свободе – способ, который, я думаю, ещё ни разу, ни кем, не применённый при побеге – это было моё ноу-хау!

В принципе, сделать нишу под камином и находиться в ней при бушующем пламени, меня надоумила кошка, Мурка. Длинношерстная сибирская кошка из моего детства. Как сейчас помню: если ей надо было в туалет по нужде, она, несмотря на то, что в печке жарко горел уголь, а конфорки накалялись докрасна, быстро заскакивала в поддувало и, сделав своё дело, ещё успевала лапами загрести золу. Затем, как ни в чём не бывало, выскакивала оттуда, не опалив своей шкурки.

Умная и красивая у нас была кошка!

Когда я рассказал о своём замысле Захарычу, он недоверчиво покачал головой и, продолжая попыхивать сигареткой, сказал – интересно, но не может быть правдой..., а вообще-то, смотри, тебе лежать десять-одиннадцать дней.... Пока идут отделочные работы, камин я должен буду протапливать каждый день, чтобы дом не промёрз.

И, так, день за днём, я рано утром, до прихода десятка заключённых-строителей, залазил под камин и лежал там до позднего вечера и выбирался оттуда лишь, когда на двери особняка навешивали замок. Питался я остатками еды, которые Захарыч специально для меня собирал со стола, говоря при этом удивляющимся зэкам, что подкармливает остатками, голубей.

Виделись мы с ним крайне редко и, длинных, задушевных разговоров не вели. Когда на короткое время он оставался в зале один, он подходил к камину и шёпотом спрашивал – «Ну, как ты там, жив ещё?» На что я, также шёпотом, отвечал – «Пока жив, спасибо!»

Если он был уверен, что неожиданных «гостей» не будет, он говорил: «Сынок, можешь выползать, кажется, гостей мы не ожидаем».

В первый день..., или на второй..., точно уже не помню, он мне рассказал, что по слухам «Хозяин» рвёт и мечет. Завёл такие строгости, что «Не дай Бог!», а зама по режиму вообще готов живьём съесть. Никто понять не может, как ты смог убежать и куда? Был человек... и, нет его. Некоторые шушукуются между собой – вроде как тебя инопланетяне к себе забрали...

Я, согнувшись в три погибели, лежал под камином и в ответ на его слова лишь тихо посмеивался – пусть шушукуются, разные сказки мне на пользу.

Затем, сон прервался и начался кошмар. Я увидел себя

бегущим, а за мной мчались с десятков солдат во главе с замом по режиму и двумя злобными овчарками. Я уже почти выдохся, силы стали покидать меня, и я уже не бежал, а только переставлял ноги, а затем они вообще перестали двигаться, казалось, я увяз в густой смоле. Оглянувшись на погоню, я увидел, как солдаты спустили собак с поводков и, озверевшие, с разинутыми клыкастыми пастьями, они помчались ко мне. Единственное, что я успел, это повернуться к ним лицом, и тут же упал сбитый с ног.

Одна огромная, чёрная, с рыжими подпалинами овчарка, стала рвать на мне телогрейку, а вторая ухватила меня за горло и стала душить. Я задышался и хрипел от удушья. Чтобы как-то ослабить её хватку и хоть немного вдохнуть воздуха, я схватил её за уши, пытаясь оторвать от горла, и... проснулся.

В моей пещерке было душно, мне не хватало воздуха и я, с трудом приподнявшись, прильнул ртом к отдушине, но свежего воздуха не было – отверстие было чем-то закрыто.

Я был наглухо замурован в снегу!

На какое-то мгновение мне стало страшно! Я представил себя задохнувшимся и, в панике, стал пробивать выход ногами, но не смог – снежные кирпичи обледенели и смёрзлись, превратившись в ледяной монолит. Я был замурован крепко и, казалось, навсегда!

В голове промелькнула мысль: стоило ли одиннадцать суток прятаться от охраны, собак, лежать, скорчившись в три погребели под жарким камином, чтобы потом задохнуться

здесь, на свободе, под толстым слоем снега.

Сознание стало покидать меня и, с последней крупницей жизненной энергии, я вдруг увидел почти под рукой, свою помощницу-палку – кривую, сучковатую, палку-выручалку.

Сделав невероятное усилие, я схватил её и стал с остервенением бить в не пропускающую живительный воздух отдушину..., и вдруг, она, чуть не выскользнув из моих слабеющих рук, вышла на волю. Быстро втащив её обратно, я прильнул ртом к отверстию и стал с жадностью вдыхать свежий морозный воздух...

Я дышал, и не мог насытиться! От быстрого поступления кислорода в мозг, у меня закружилась голова и пришла невероятная слабость.

Постепенно голова моя очистилась от тумана, и я начал приходить в себя, понемногу соображать, то есть, логически рассуждать – почему же такое могло случиться?

Здорово, подумал я, ещё бы немного и я бы навсегда покончил со всеми жизненными заботами. Хорошо, вовремя проснулся, а то бы... Тут моя мысль скакнула на три шага вперёд, и я подумал: а что же всё-таки случилось снаружи моего укрытия? Почему я чуть не задохнулся? Кто закрыл отдушину, и почему я не смог открыть вход?..

Эти вопросы ждали своего ответа, а его не было, потому что я не мог выбраться из своей ледяной норы и посмотреть, что же произошло.

Но прежде чем искать ответы на вопросы или принимать

какое-то решение, необходимо было убедиться в отсутствии опасности. И я прильнул глазом к очищенному отверстию.

Вначале что-либо определить было затруднительно, но постепенно глаз привык, и я сообразил – на улице ещё день и, кажется, солнечный. Значит, сказал я себе, сиди и не дёргайся, пока не стемнеет, тем более, мне совершенно не было холодно, мне было даже жарко.

Я ещё немного пошуровал палкой в отверстии, и воздух, как втягиваемый насосом, с силой устремился в моё убежище, в мой снежный домик...

Только сейчас я обратил внимание на боль в боку. Нащупав рукой место боли, я понял откуда она у меня. Ах, ты, чёрт! – ругнулся я, это же от лыжных креплений так надавило.

Чтобы не спать на голом льду я, уже почти засыпая, подложил под себя лыжи, и от великой усталости даже не расправил крепления. И, вот, пожалуйста, результат!

До вечера ещё было время и я, предварительно перевернув под собой сначала одну лыжу, затем, другую, вновь прилёг, теперь уже на гладкую шерсть камыса.

Смежив веки, я приготовился ещё немного подремать, но сон, как встревоженная лань, умчался от меня. Вместо него пришло воспоминание о прошлой моей жизни.

Видение было настолько ярким, что, казалось, не я сейчас лежу в снежной норе за тысячи километров от дома, а кто-то другой, а я нахожусь в Москве.

Я даже запах туалетной воды своей подруги, Ирины, почувствовал. Казалось, я расстался с ней не семь с лишним месяцев назад, а вот только что, всего минут сорок, максимум час назад, у двери её квартиры.

* * *

...Прощавшись с Ириной и поцеловав в мягкие, тёплые, податливые, и такие сексуальные губы, я отправился домой. Поставив Хонду в подземный гараж, направился привычным путём к себе домой. У шлагбаума стоял, улыбаясь, наш дежурный охранник. Поздоровавшись с ним и ещё что-то сказав, я вошёл в подъезд дома.

И опять же, привычным путём, минуя лифт, зашагал, отсчитывая по две ступеньки к себе на третий этаж. Ноги, не ошибаясь, привычно шагали, отмеривая необходимое расстояние, но что меня несколько удивило, так это темнота вокруг.

Вначале, я как-то не воспринял изменившуюся, непривычную обстановку – в подъезде не было света. Почему-то не горели, ярко освещая площадки и лестничные марши, настенные фонари! В подъезде было «Глухо и темно, как в танке!» – пришло в голову сравнение.

Настроение было отличное-преотличное после свидания с Ириной, с которой я совсем недавно познакомился на фуршете в доме писателей и, на отсутствие света в подъезде, как-то не отреагировал, не насторожился.

Неосвещённые лестничные марши всё же подвёли меня. На площадке второго этажа я споткнулся обо что-то мягкое: потеряв равновесие, упал и больно ударился головой об пол – у меня даже искры посыпались из глаз.

Действительно, надо было так здорово шархнуть головой, чтобы я серьёзно подумал, а почему это все марши лестницы сегодня не освещены?

Только сейчас, после того как я звиздорезнулся до искр в глазах, я серьёзно задумался – действительно, а почему? Тем более, что наш ЖКХ всегда добросовестно исполнял свои обязанности, и я не припомню ни одного случая, чтобы где-то, когда-то, не горела лампочка в нашем подъезде. Странно, может электроэнергию отключили? – мелькнула мысль в голове и тут же пропала.

Поднявшись, я пошарил ногой в том месте, где споткнулся и, почувствовав препятствие, вытянул руки и наклонился. Под руками оказалось что-то похожее на человека – ошибиться я не мог. Мелькнула мысль-понимание: на лестничную площадку забрался пьяный бомж и улёгся поспать в тепле, а я об него споткнулся. Вот, чёрт!

Не забывая себе голову умственными рассуждениями анализа возникшей проблемы, подхватил его под мышки и собрался уже было оттащить его к стене, как открылась дверь квартиры напротив, и в освещённом проёме показалась соседка, живущая под моей квартирой этажом ниже, Вероника Андреевна.

Удивлённо посмотрела на меня, затем, перевела взгляд на человека в моих руках и, издав вопль ужаса, можно было подумать, что она увидела страшное привидение, быстро захлопнула дверь.

Я вновь оказался в темноте и в обнимку с неизвестным.

Всё-таки я дотащил его и, кое-как прислонив к стене, выпрямился, и собрался было идти к себе, но почувствовал – мои руки почему-то стали мокрыми и липкими. Машинально, по укоренившейся с детства привычке, брезгливо вытер их носовым платком.

Совершив доброе, как мне казалось тогда, дело, я поднялся к себе в квартиру. Включив свет в прихожей и ванной комнате, прошёл к раковине, и только здесь рассмотрел, почему мои руки стали влажными. Они были вымазаны во что-то красное и липкое. Красное и липкое...

Понюхав, не краска ли это или дешёвенькое вино, я почувствовал незнакомый мне неприятно-приторный запах. И мгновенно меня «вывернуло наизнанку»! Я ещё стоял над унитазом, когда раздалась настойчивая трель дверного звонка, а затем и громкий стук в дверь.

Кое-как сполоснув рот и руки я, возмущаясь в душе невоспитанностью звонившего человека, направился к двери. Чего так трезвонить, подумал я с неудовольствием – пожар что ли? Но то был не пожар: в открытую дверь ворвались люди одетые в полицейскую форму и, профессионально заломив мне руки за спину, уложили на пол лицом вниз, а за-

тем я почувствовал и услышал, как кляцнув, защёлкнулись на моих запястьях наручники.

Ошеломлённый произошедшим, я совершенно растерялся и, мне кажется, даже не понял, почему это я вдруг оказался на полу, да ещё в такой неудобно-унизительной позе.

Затем, меня грубо подняли и вывели за дверь. Сейчас я не поднимался по лестнице, шагая через две ступеньки, как несколько минут назад, а спускался вниз, поддерживаемый с двух сторон под руки дюжими полицейскими.

На лестничной площадке второго этажа уже не было так темно. Она освещалась двумя или тремя фонариками и падающим светом из четырёх открытых дверей квартир. На площадке толпились люди: мои соседи и полицейские.

Двое, склонившись над прислонённым мною к стене человеком, рассматривали его.

При ярком свете нескольких фонарей я явственно увидел, что вся грудь его залита чем-то тёмным, а на полу, возле него, выделялось такое же тёмное мокрое пятно. Специально, а возможно и непреднамеренно, луч одного из фонарей упал на лицо человека, и я узнал его, а узнав, вздрогнул – это был мой партнёр по бизнесу – Севка..., Всеволод Куприянов!

Ошеломлённый, я приостановился, но меня тут же грубо подтолкнули в спину и я, подчиняясь толчку, продолжил спуск.

В голове закружился хоровод мыслей: откуда, почему,

за что, иии... как он оказался в моём доме на лестничной площадке, и... в таком состоянии? И вдруг, словно ударом молнии, меня пронзила страшная мысль-понимание – меня подозревают в... убийстве моего друга и партнёра!

Почему в убийстве и, как я догадался, что он убит? Не знаю – возможно, шестое чувство, а возможно и... его неподвижная поза.... Но ведь..., когда я оттаскивал его к стене... он же был живым, я же чувствовал биение его сердца – лихорадочно прокручивал я свои воспоминания, как киноплёнку, в совсем недалёкое прошлое...

Значит, они считают меня убийцей, и поэтому мои руки заломлены назад и скованы наручниками, а по бокам, как «почётный караул», придерживая меня под локотки, вышагивают дюжие полицейские...

Ноо, это не я!!! – как со стороны, услышал я свой крик, и попытался вырваться из держащих меня рук, но мой крик и моя попытка были безуспешными.

Во дворе стояла полицейская машина и карета скорой помощи. Разноцветные вспышки огней над ними, и их отражение от оконных стёкол квартир, создавали иллюзию сказочного мира – мира, из которого меня уводили и, подталкивая в спину, заталкивали в мигающую красно-синими огнями полицейскую машину...

* * *

Вздуродраженный прошлым я понял, мне больше не уснуть

и, поднявшись, вновь посмотрел в отверстие. Снаружи посерело.

Нужно было готовиться продолжить дальнейший путь, да и подкрепиться перед дорогой не мешало бы, и я начал пробивать выход наружу.

Предстоял ещё долгий, долгий путь по заснеженным горам и лесам и ещё неизвестно, где и как он закончится! Но я надеялся на благополучный исход. Мной двигало неугасимое желание найти убийцу друга и наказать его, а потом... будь, что будет! Значит, такая у меня судьба!

Выход из своей норы-берлоги я пробил уже почти в темноте.

Оказывается, на моё убежище упал обвалившийся снежный карниз, что нависал с крутого берега, и этот же обвал замуровал мою отдушину снегом.

И вновь я бежал на лыжах. Меня окружала такая тишина, что мне казалось – я в вакууме, и ещё мне показалось, что воздух потеплел. Посмотрев на ночное небо, я не увидел вчерашних звёзд, надо мной нависали тяжёлые, словно глыбы, тучи. Пойдёт снег и будет буря, решил я и прибавил шаг.

Мне нужно было добраться до заимки, о которой мне рассказывал Захарыч. Это он её построил ещё пять лет назад, будучи не эском, а свободным человеком..., как все.

Конечно, не было никакой гарантии, что она сохранилась, и я рисковал, очень рисковал, не только потерей времени и сил, но и возможностью заблудиться в зимнем лесу.

Но и другого выхода в моём положении не было – мне нужно было подготовиться к дальнему, многодневному броску.

Свой путь я выбирал тщательно по физической карте в одной из книг, имеющихся в тюремной библиотеке, и расспрашивая Захарыча. Без остановки на отдых и заготовки продуктов на дорогу, я не смог бы добраться до конечной цели – Москвы.

От интенсивного движения вскоре мне стало жарко, и я расстегнул фуфайку с моим номером на спине.

Несмотря на потепление, лыжи исправно выполняли свою работу. Спасибо Захарычу, это он договорился насчёт лыж с местным охотником, заплатив ему изрядную сумму денег.

Захарыч мог это себе позволить – он расконвоированный экз, не то что я. У него имелось разрешение на свободное перемещение в границах посёлка, но с шести вечера и до подъёма он должен был находиться вместе со всеми, за колючей проволокой.

Я ему страшно завидовал, какая-никакая, а всё-таки свобода! Конечно, условная свобода, но... всё же свобода!

Отвлёкшись на воспоминания, я совершенно перестал следить, куда несут меня лыжи – главное, передо мной была лыжная колея, и я бежал по ней... И был наказан за невнимательность, очень сурово наказан...

Неожиданно я почувствовал, как лёд подо мной провалился, и я оказался под водой!

Ещё не до конца сообразив, что со мной произошло, и на-

сколько это серьёзно, я отчаянно замахал руками, и... оказался на поверхности.

Я провалился в полынью, как-то очень быстро сообразил я! А сообразив, в какую неприятность я попал, меня мгновенно обуял панический ужас!

Намокшая одежда тянула ко дну, лыжи не давали возможности работать ногами – всё, здесь мне пришёл конец! – лихорадочно забилась мысль в голове.

А, зачем я бежал?! Зачем десять дней лежал под горящим, пышущим жаром камином?! Зачем все эти мытарства?! Только для того, чтобы вот сейчас, здесь, утонуть? Ну, уж нет, дудки! – засопротивлялось всё моё существо. Тогда, что делать? Да, прежде всего, снять лыжи с ног, а тогда посмотрим, кто кого – река меня или, я её!

Все эти мысли, весь их калейдоскоп, за какие-то мгновения прокрутились у меня в голове, а затем пришло и решение, и понимание, что надо делать..., делать вот прямо сейчас, не мешкая..., иначе...

Пришлось, задержав дыхание, окунуться с головой и развязать крепления на одной лыже.

Ура! Получилось!

Но воздух в лёгких тоже закончился – пришлось вынырнуть. А вынырнув, и чуть отдышавшись, я с силой отбросил лыжу подальше от полыньи.

Странно, но мне совершенно, или почти совершенно, не было холодно. Ах, да, вспомнил я, температура воды

зимой в реке ниже минус четырёх градусов по Цельсию не опускается. И вторая мысль, догнав первую, промелькнула у меня – Господи, чем у тебя Иваницкий голова забита? Надо о спасении думать, а ты о температуре воды...

Подумав так, я сам себе удивился – действительно, человек погибает, а в голове какие-то дурацкие мысли копошатся... Кошмар!

Вторично нырнув, я смог развязать крепление второй лыжи, затем, вынырнув, тоже отбросил её подальше от полыньи. Ну вот, решил я, пора самому выбираться – а, как?

Попробовал опереться руками об кромку льда, но она обломилась. Тогда я стал обламывать лёд все дальше и дальше, и добился-таки результата. В очередной раз оперевшись на лёд, я почувствовал достаточно сильное сопротивление и прочность.

Но, я устал! Господи, как я устал! Мокрая одежда сковывала мои движения, а раздеться было нельзя – я же не..., в по-летнему тёплой реке купаюсь, сейчас же... зима.

Опять, обгоняя одна другую, заскакали мысли в голове – даст Бог, вылезу, так мне же ещё вон сколько бежать. Нагишом, по морозу, далеко не убежишь! Сразу окочуришься!

Мысли, мысли! Может, поэтому мы и называемся «Homo sapiens»? Человек, считай, с жизнью вот-вот попрощается, а голова, вернее мозг, всё никак не утомонится, всё чего-то думает, анализирует...

Держась за лёд, немного передохнул и, резко оттолк-

нувшись ногами от воды, попробовал вытащить своё тело из речного, сковывающего движения, жидкого плена. Не получилось! Лишь после третьей или четвёртой попытки я оказался на льду, и тут же мороз захватил меня в свои объятия. Но я вылез! Сумел вылезти на лёд, чёрт побери!

Фиг меня утопишь! – крикнул я, вернее, хотел крикнуть, но сил у меня хватило лишь с хрипом это прошептать.

Мокрая одежда стала промерзать и превращаться в ледяной панцирь. Я, где-то, когда-то, вычитал, надо вставать и идти, иначе замёрзшая одежда скуёт мои ноги и руки, и я не смогу двигаться. Вот тут-то я, по-настоящему, испугался, испугался до дрожи в теле!

Когда я оказался в воде, скорее всего до меня тогда ещё не дошла сложность моего положения, или мой разум ещё её не оценил, а вот сейчас..., сейчас совсем другое дело!

Но сил не было! Я их растратил на борьбу с коварной рекой.

Вставай! – приказал мой разум, – немедленно вставай!!! И, я встал, и, я пошёл..., медленно-медленно...

Одежда на мне потрескивала, и мелкие кусочки льда, отламываясь, падали под ноги...

А лыжи?! Куда я без лыж? – промелькнуло в разгорячённом мозгу. Пришлось вернуться. Лыжные крепления под воздействием низкой температуры начали промерзать. Тогда я потоптался по ним, покрытыми ледяной коркой, валенками, чтобы хоть немного размять ремни, и, кое-как закрепив,

стал переставлять ноги. . . . Вперёд, шептал я! Только вперёд!

Одежда превратилась в сплошную ледяную корку, но я переставлял ноги, отталкивался палкой – одежда потрескивала и ломалась. . . ., но я шёл! Делал шаг за шагом и. . . ., шёл! Шёл, чёрт меня, забери! С трудом, но шёл!

В голове крутилась только одна мысль – дойти до зимовья Захарыча, обязательно дойти! Дойти – в этом моё единственное спасение!

Мысль эта настолько поглотила меня, что я чуть не пропустил первый, и самый главный ориентир – перекинутую поперёк реки высоковольтную линию.

От первой опоры на правом берегу мне надо было пройти под углом в сорок пять градусов три километра в глубину леса, а там. . . . новый ориентир – огромная скала, валун-медведь.

Никогда не думал, что ходьба на лыжах, да ещё в промёрзшей одежде, настолько мучительна!

Очередной ориентир я нашёл лишь часам к трём утра, при этом затратив уйму сил и, кажется, немного заблудившись. Мои ноги дрожали от усталости, из груди с хрипом, как у загнанной лошади, вырывалось дыхание. . . .

Как и обещала погода, крупными хлопьями повалил снег, и только чудом я нашёл ориентир Захарыча – скалу, похожую на присевшего медведя.

Нужно было торопиться, и я, немного отдышавшись, двинулся дальше в глубину леса.

Не дай Бог заблудиться, подумал я, переставляя ноги. Ещё я подумал – хорошо, что лес хвойный и без подлеска, а то бы я, точно, продираясь сквозь кусты или обходя их, потерял направление, и тогда мне... – какую!

Кто мне помог, Бог, или моя судьба вела меня, не знаю, но заимку я нашёл на том месте, на котором она и должна была быть. Захарыч, добрая душа, не обманул, а я был очень прилежным учеником в постижении лесной науки.

* * *

Она стояла на небольшой поляне, вся, по самую крышу, засыпанная снегом. Пришлось прокапывать проход к двери. Я перекидал, наверное, три куба снега прежде, чем добрался до входа. Дверь, на удивление, хотя и со скрипом, легко отворилась.

Сделав пару шагов, я вступил в свои временные, но такие желанные, владения.

Внутри было темно, лишь узкая полоса серого рассвета слегка заглядывала в открытую настежь, дверь. Воздух внутри был затхлый: чувствовалось, что давно никто не посещал и не проветривал домик. Но я был рад новому пристанищу, как может быть рад одинокий путник, встретивший на своём пути старого товарища или друга.

Осторожно, делая короткие шаги и боясь наткнуться в темноте на что-нибудь, я медленно продвигался к левой стене, у которой, по словам Захарыча, должна находиться

небольшая печь и запас сухих дров. И опять он не солгал – печь находилась там, где и должна была быть! А нагнувшись и пошарив рукой перед ней, я нашёл дрова. Даже лучины для растопки находились на дровах.

Странно, подумал я, неужели за столько лет никто, никогда, не посещал избушку? И тут я вспомнил слова Захарыча: «Охотничий Закон гласит – попользовался чьим-то добром, отплати ему тем же. Использовал продукты – оставь свои, воспользовался дровами – заготовь вновь, чтобы следующий усталый охотник мог обогреться и поесть». Хороший Закон, полезный, решил я, разжигая плиту!

Дрова быстро загорелись, но дым... Дым никак не хотел идти в трубу, он клубами наполнял избушку, разъедал глаза...

Не выдержав, чихая и кашляя, я выскочил из избы и уставился слезящимися глазами на крышу в поисках трубы. На крыше, как шляпка гриба-боровика, лежал толстый слой снега, и такой же шляпкой, полностью перекрывая выход дыму, он лежал на трубе. Ничего не поделаешь, подумал я, и решительно полез по снегу на крышу, пытаясь добраться до трубы.

Верхний слой снега, покрывавший крышу зимовья, был настолько плотен и твёрд, что выдержал мой вес, и я благополучно добрался до цели. Смахнув снег с трубы, дождался, когда появиться первый дымок и, на отощавшей от тюремной баланды, худой заднице, съехал вниз.

Вытеснив холодный воздух из дымохода, печь загудела, распространяя по избушке долгожданное тепло. Даа... золотые руки у печника, Захарыча! – в который раз восхитился я, смотря на огонь в печи и вспоминая, с какой любовью прилаживал он кирпичик к кирпичику при сотворении своего чудо-камина в коттедже.

Под этим камином, покрываясь потом от жары и трясясь от страха, что раскроется тайна моего убежища, я провёл одиннадцать долгих дней! И вот, я здесь – усталый, замёрзший, но живой и свободный!

Глава вторая

На второй день моего пребывания в избушке случилось непредвиденное мною событие – я заболел и, не просто заболел, а здорово заболел. Ещё с вечера я почувствовал, что со мной не всё в порядке: кружилась голова, меня бросало то в жар, то в холод, а в груди, при вдохе и выдохе раздавались звуки «гармошки». Я был слаб, как новорожденный ребёнок.

Подбросив дров в печку, я с трудом заставил себя поесть лапши, и сразу же забрался под ветхое ватное одеяло. Вообще-то, я очень брезгливый человек, но сейчас – сейчас мне было не до брезгливости.

Не смотря на относительную теплоту в избушке, меня начало морозить. Я трясясь от холода не в состоянии согреться. Кое-как дотянувшись до моей зековской телогрейки, чтобы набросить её поверх одеяла я, сжавшись в комок, попытался

уснуть.

Проснулся весь в поту: мой лоб пылал от высокой температуры, казалось, приложи к нему бумагу и она вспыхнет, словно подождённая горящей спичкой. Одеяло и фуфайка валялись на полу, хотелось пить, и я, кое-как пересилив слабость, вышел из избы с ведром, чтобы набрать снега для воды.

Как я растопил плиту, как вскипятил воду и..., вскипятил ли я её вообще, не помню. Думаю, у меня начался горячечный бред, потому что я увидел себя в лесу, окружённым со всех сторон огромными волками.

Я сидел на нижней толстой ветке сосны и, обламывая ближайшие ко мне тонкие ветки, поджигал их и швырял в окруживших меня зверей, похожих на волков. Находящийся ближе всех ко мне волк, с лицом следователя Кондратьева (по его милости и не желанию разобраться в моём деле, я загремел под суд), сидя на заду и ухмыляясь, приговаривал:

– Никуда ты от нас не денешься, всё равно мы тебя съедим. Ты убил своего партнёра, своего друга. Тебя застучала соседка над ещё тёплым трупом. У тебя вся одежда и руки в крови...

И, оскалив пасть, завыл – «Убий-ца-а!.. Твоё место только в тюрь-ме-е...!»

– Не-прав-да, не убивал я Севку! – закричал я в ответ, и швырнул в него горящую ветку. – Мы с ним были хорошими партнёрами, доверяли друг другу...

Следователь, злобно зарывчав, увернулся от огня и вновь завыл:

– А, кто теперь будет полным владельцем капитала и нескольких ателье с мастерскими? Не ты лии...? Он тебя уличил в какой-то махинации, и ты его убил...

– Я не убивал! Мне нечего наследовать, это мой бизнес.... И..., разве это говорит, что именно я убил Севку? – Меня могли подставить зачем-то, или я оказался не в том месте, и не в то время... – разве так не бывает в жизни? А, Вы, не разобравшись в моём деле, засандалили меня в тюрьму, исковеркали мою жизнь...

– Бывает, но не у тебя... – завыл он снова, – не вы ли поругались три дня назад? Все в офисе слышали, как вы орали друг на дру-га-а.... Свидетелей много...

– Ну и что, что орали. Вы бы не заорали, если бы вам на ноги, нечаянно, Севка пролил кипяток, а? Заорали бы, и ещё как заорали! Благим матом бы заорали!

– Твоя версия не доказуема. Ты-ы, убийца своего партнёра! Все улики против те-бя..., не отве-ер-ти-шься. Закон по-карает тебя за совершённое гнусное пре-ступ-ле-ние – опять завыл он.

И, в унисон с ним вся стая волков, аж шерсть дыбом встала на загривках, завыла:

– Уу-бий-ца-а! Уу-бий-ца!

Ну, как я мог его убедить, что не виновен, что не я убийца, а кто-то другой?

Я поджёг ветку покрупнее, и опять швырнул в него и, попал. Он, оскалив жёлтые, прокуренные зубы и, зарывчав, отскочил в сторону.

Вокруг ветки занялось пламя, оно всё увеличивалось и увеличивалось в размерах, разрасталось и набухало, словно тесто на дрожжах. Огонь стал распространяться на весь лес.

Волки, поджав хвосты и огрызаясь, кинулись прочь, а я, окружённый огненным кольцом, сидел на дереве и не знал, что мне делать. Пламя подбиралось всё ближе и ближе. Мне стало так жарко, что кожа на лице и руках начала пузыриться и... картина вдруг странно изменилась.

Я оказался висящим над бездонной пропастью на вершине крутой заснеженной горы. Мои пальцы судорожно вцепились в края провала, а ноги пытались найти хоть какую-нибудь опору для себя. Было так холодно, что мои пальцы побелели и, казалось, ещё немного, и они не выдержат моего веса, отломятся, и я полечу вниз. Так и случилось. Я с ужасом увидел, как они, сначала один, затем, другой, начали отделяться от кистей и я, с диким воплем полетел вниз, на чуть видневшиеся внизу, острые камни...

Хватаясь за любой выступ одной рукой, я пытался, не остановить, но хотя бы замедлить падение. Обо что-то ударившись, я почувствовал боль во всём теле и тут же понял – моё падение приостановилось. Надолго ли? Как не начать новое падение?!

Боясь сделать хоть одно неосторожное движение, я открыл глаза и попытался определить, что задержало меня и не дало разбиться об камни? То, что представилось моему взору, повергло меня в шок.

Я находился на полу какой-то полутёмной избы, но что это за изба и чья она, я не мог вспомнить. Моя память совершенно не хотела воспринимать окружающую меня действительность, а неустойчивый разум подсказывал – нужно подняться с площадки или пола (что более правильно я не мог уразуметь), закутаться во что-нибудь тёплое, иначе я замёрзну, так и не поднявшись из пропасти.

И я, помогая себе искалеченной рукой, цепляясь за любой маломальский выступ, из последних сил стал карабкаться вверх.

И, всё-таки, я выбрался!

От приложенных усилий моё тело покрылось испариной, а из ран, в местах отмёрзших пальцев, потекла кровь, окрашивая снег в красный цвет. На площадке я нашёл свой мешок, а в нём свою телогрейку и старое ватное одеяло. Закутавшись в них, чуть согревшись, мгновенно уснул.

Несколько раз я просыпался..., меня мучила жажда..., я не понимал, день сейчас или ночь, и сколько дней прошло после моего подъёма из пропасти. Всё это проходило мимо моего сознания. Единственное, что мной воспринималось, это безудержная жажда. Я, кажется, вставал и шёл к ведру с водой. Вода, покрытая тонкой коркой льда, была холодной,

но утоляла жажду не на долго...

Однажды я не смог напиться. Вода замёрзла. Пришлось перевернуть ведро и несколько раз ударить его об пол – лёд выпал и разлетелся на мелкие кусочки. Я ползал по полу и, собирая осколки льда, совал и совал их в рот, раня запёкшиеся губы. Было больно, губы начали кровоточить, но я подбирал и подбирал лёд и жадно глотал его.

Когда я подобрал всё до крошки, мне опять неудержимо захотелось спать, и я, ползком добравшись до топчана (я уже начал понемногу воспринимать окружающее меня пространство), вновь провалился в сон...

Глава третья

Открыв глаза, я попытался определить, день сейчас или ночь, но не смог. Почему-то маленькое окошко не пропускало света, хотя раньше, когда я впервые нашёл заимку, через него можно было увидеть небольшой участок леса.

Было очень холодно. Голова перестала болеть, а пощупав лоб, я понял, температура уменьшилась. Чтобы окончательно не замёрзнуть, нужно было затопить плиту и я, хоть и с трудом, поднялся с лежака. От слабости голова сразу закружилась, а ноги так задрожали, что пришлось, прежде чем добраться до плиты, подержаться за стол.

Голод и жажда мучили меня. Пришлось взять ведро и пойти за снегом. Открыв дверь (Слава Богу, она открывалась внутрь), я невольно зажмурил глаза. За то время, что я ва-

лялся в горячечном бреду, выпало уйма снега, и он блеснул в лучах солнца, переливаясь разноцветными искорками, и «резал» глаза.

Опять я восхитился дальновидностью и житейской мудростью Захарыча. Сделай он дверь открывающейся наружу, и я бы не смог выйти из избушки – снег бы меня замуровал.

Кругом, куда ни посмотри, лежал первозданный голубовато-белый снег. Он толстым слоем лёг на землю, на ветви сосен и елей. Его было так много, что под его тяжестью нижние ветви деревьев склонились до самой земли. Деревья стали похожи на белые треугольные свечи.

На бездонно-голубом небе ни облачка, только небольшое зимнее солнце радостно посылало свои лучи вниз. Была такая тишина, что я слышал биение собственного сердца в груди.

Изредка, где-то высоко в ветвях, стрекотали сороки, да вдруг раздавался звук похожий на «Уф-ф-ш-ш!» – это срывался с сосен и елей снег, и с шумом падал вниз.

Я стоял и наслаждался представшей передо мной изумительнейшей по своей красоте картиной. Проживи я хоть тысячу лет в городе, я бы никогда не увидел ничего подобного. Мне даже жаль было возвращаться к своим делам, так заворожила своей красотой окружающая меня природа.

Зачерпнув прямо у двери полное ведро снега, я собрался было уже захлопнуть дверь, но не удержался от соблазна и, набрав полные пригоршни пушистого снега, стал осторожно

смаковать его. Он был холодным и пах какой-то неповторимой свежестью – в нём, чуть-чуть пробивался запах свежесушенного сена, запах подснежника и неповторимый запах лёгкого морозца.

Я стоял и смотрел, как оставшиеся снежинки в моих руках медленно таяли, и на их месте появлялись капельки воды. Какое это счастье жить в окружении природы, иметь возможность любоваться снегом!

Часа через полтора в избе стало тепло, и я решил немного привести себя в порядок.

Опять набрав с верхом ещё ведро снега, поставил его на плиту, а сам в это время стал высчитывать, сколько же дней я проболел, но так и не смог точно, да что там точно, вообще никак не смог подсчитать количество дней болезни. Ну, решил я – «На нет, и суда нет!» И ещё я подумал: пока я окончательно не окреп, мне дальше двигаться нет смысла, дальнюю дорогу мой организм не выдержит. Значит..., что «Значит» я уже догадался – необходимо позаботиться о питании.

Перед моим взором, словно живой, возник образ Захарыча, моего доброго ангела-хранителя, полюбившего меня как родного сына, только я до сих пор не мог понять – за что, за какие качества?

Он стоял у недостроенного ещё камина и, шурясь от дыма сигареты, смотрел мне в глаза и тихо говорил: «Запомни Алексей, с левой стороны печки есть две половицы, под-

ними их и просунь руку под печь. Там, завёрнутая в тряпку и промасленную бумагу, лежит одностволка и запас патронов к ней. Они у меня хранятся на всякий случай – мало ли что. Вдруг придётся некоторое время пожить в лесу, вдали от чужих глаз...». И, продолжая заглядывать в глаза, спросил: «Не забудешь, где схрон?»

Что я ему тогда ответил, не помню, но вот сейчас, как никогда кстати, этот разговор вспомнился мне. Ну, что ж, мысленно ответил я ему, если, действительно, ружьё на месте, то я не пропаду..., во всяком случае, надеюсь.

И принялся за дело, иными словами, приступил к поиску ружья.

* * *

Прошло два дня. Я уже довольно сносно чувствовал себя после болезни, хотя иногда, приступами, голова всё же кружилась.

Ружьё я нашёл, и патроны тоже нашёл, да и чего их было долго искать – Захарыч точно описал их местоположение. А найдя, удалил смазку и протёр ветошью насухо, затем, потренировался, как его заряжать и ставить на предохранитель.

Хорошая оказалась берданка, честное слово. По её состоянию сразу было видно, она была в добрых руках. Человек ею пользовавшийся, берёг её и, если так можно сказать, хранил.

Зажмурив левый глаз, попробовал прицелиться и..., на-

жал на курок.

В избушке, заложив уши, громыхнул гром!

Господи, я же забыл разрядить ружьё!

Было послеобеденное время, но точно который час я, конечно, не мог определить, потому что мои часы остановились во время болезни, и я выставил их приблизительно, по солнцу. Но, думаю, было не меньше двух часов после полудня. Поразмышляв, я решил испытать свою охотничью удачу, хотя... какой из меня охотник? Я-то и ружьё никогда в жизни в руках не держал до этого дня.

Лыжами я пробивал себе путь по чуть подмёрзшему на десятиградусном морозе, снегу. Прошёл уже километра два, но чьих-либо следов не обнаружил. Устал чертовски!

Впереди меня, в двадцати шагах, раскинув ветви шатром, стояла красавица ель. Вот я и решил возле неё передохнуть. Стряхнув снег с пары ветвей, влез под них, и оказался... полностью укрытым от постороннего взгляда.

Прошло минут пятнадцать моего сидения под елью, и вдруг я обратил внимание на прыгающий по снегу, метрах в тридцати от меня, белый комок. Приглядевшись, я признал в нём зайца..., или... кролика. Откуда я знаю – кролик это был или заяц? Просто догадался, вспомнив школьные уроки биологии. Я же, если честно, зайца или кролика видел только в ресторане, в качестве второго блюда, и то, не целого, а только его кусочки!

Осторожно, боясь издать малейший шум, снял ружьё и до-

слал патрон в патронник, затем, также осторожно, вылез из-под ветвей и приложил ружьё к плечу...

Заяц присел на задние лапы и заврожено, как на диковинку стал смотреть на меня, а я смотрел на него, только через прорезь прицела. Возможно, он в это время думал – что за чудо-юдо вылезло из-под ветвей: на волка... совершенно не похож, на лису..., тем более. На медведя...? Медведь мне не страшен, я от него убегу..., и он продолжал сидеть и смотреть на меня.

Почему он не прыгнул в сторону и не убежал при моём появлении, я не знаю, но он сидел и не шевелился, а я прицеливался..., долго прицеливался. Время замедлилось, или даже остановилось. Я долгую минуту держал зайца на мушке, а он всю эту минуту смотрел мне в глаза.

Сухо щёлкнул курок берданки... – ожидаемого выстрела не последовало! Заяц в мгновение ока резво подпрыгнул и, задрав куцехвостый зад, бросился наутёк. Я вновь взвёл курок – и опять только сухой щелчок – осечка.

Забыв про лыжи, до колен проваливаясь в свежавыпавший рыхлый снег, и на ходу перезаряжая ружьё, я бросился за зайцем в погоню...

Он опять остановился и, словно насмехаясь надо мной, вытянувшись столбиком, казалось, стал ждать, что же я предприму дальше...

Недолго сумняшеса, я опять прицелился..., иии... нажал на курок.

Грянул оглушительный выстрел!

Заяц опять подпрыгнул и, словно заколдованный, живой и невредимый, бросился наутёк.

Я промазал! Я даже успел увидеть, куда попала дробь.

В лесу суматошно застрекотали сороки, а с ветвей деревьев посыпался сбитый дробью, снег.

Гнаться за зайцем дальше у меня не было сил и я, вернувшись под ель, надел лыжи и вслух кляня себя за безрукость и переживая своё невезение, зашагал назад, к избушке.

Путь «домой» показался мне более длинным и утомительным. Настроение окончательно и бесповоротно испортилось.

Так закончился первый день моего *первого в жизни* охотничьего сезона. Скажем прямо – очень неудачный день. Я здорово расстроился. Я, конечно, прекрасно понимал, от моей охотничьей сноровки и удачи зависит моя жизнь, моя свобода, но...

* * *

Прожил я в лесу ещё десять дней. На охоте были у меня и удачные дни, так что я не страдал от отсутствия свежего мяса, даже четыре заячьи тушки сумел заморозить на дороге. Болезнь полностью покинула меня и даже не напоминала о себе головной болью.

Ежедневные катания на лыжах вдали от городской суеты, прогулки на чистом воздухе, не загрязнённом выхлопными

газами, здорово помогли мне. Я окреп физически и духовно. Бег на лыжах за зайцами, оказывается, здорово помог восстановить моё здоровье.

Пора было собираться в путь. Меня ждали дела в моём родном городе, и ждала, я очень надеялся на это, Ирина. Я не вёл с ней переписку. Я не посылал ей писем сознательно, потому что уже в начале пребывания в лагере, замыслил дерзкий побег. Не посылал, чтобы не раскрыть её адрес, чтобы прибыв в Москву, я мог укрыться у неё.

Полной уверенности в ней у меня не было, но надежда на помощь Ирины у меня всё же теплилась в груди, и эта надежда духовно поддерживала меня постоянно.

И про Захарыча я всё время помнил. Наверное, ему здорово попало за меня. Если даже прямо не обвинили его в причастности к побегу, то всё равно здорово помучили допросами.

Я к нему очень привязался и не было дня, чтобы не вспоминал о нём —

вот ведь, тоже не повезло человеку в жизни.

Жена ушла от него, не выдержав лесного затворничества. Ей хотелось жить в городе, а он не мог. У него профессия такая – егерь. Как он рассказывал, он очень любил свою жену и поэтому, когда они расстались, больше ни на одну женщину глаз не положил, так и жил анахоретом в своём лесничестве.

Женщины из близлежащего посёлка вначале пытались его

приручить к своим домам, но побившись-побившись некоторое время впустую, отстали от него из-за «неперспективности» усилий.

Участок у него был, как он в минуты откровенности рассказывал, богатый и зверьём и птицей, особенно весной и поздней осенью. Браконьеры разных мастей и разных рангов постоянно навещали его. Особенно доставали его «скоробогатенькие» и местная власть, а иногда, и те и другие вместе. Несколько раз за сезон, и помимо, навевывалось к нему поохотиться городское начальство, навевывались и руководители из области.

Но, что он мог поделать? С грустью в душе он смотрел, как эти горе-охотники с дорогими заграничными ружьями в руках, стреляли по всему что движется. Жертвами их «охоты» были не только зайцы и куропатки. Несколько раз они заваливали лосей. В ответ на его призывы к благоразумию, тыкали в нос лицензии на отстрел и при этом обещали его «урить».

Однажды, это было где-то в ноябре или в начале декабря, его разбудила приехавшая полиция и устроила форменный допрос. Высокие полицейские чины задавали один и тот же вопрос – видел ли он на «своём» участке заместителя губернатора, когда и где?

Он не мог ответить на этот вопрос, потому что, он действительно его не видел. Часа через три приехал взвод омовцев и начал прочёсывать лес.

Искали долго и тщательно. Прочёсывали каждую пядь леса. Километрах в семи от его «конторы», ближе к небольшому озерку, омовцы наткнулись на припорошенные следы человека и, следуя за ними, нашли яму-ловушку, в которой надетый на острые деревянные колья, лежал заместитель губернатора, а метрах в двухстах от ловушки, стоял его джип.

Судя по словам эксперта, приехавшего на служебном «УАЗике», он провалился в яму часов в восемь вечера.

Почему он не зашёл к Захарычу, никто понять не мог, здесь скрывалась какая-то тайна.

Тайная ловушка появилась совсем недавно, скорее всего в день приезда зама. Земля на отвале ещё не полностью промёрзла. Захарыч утром проходил по этому участку, ловушки не было.

Не очень-то пытаюсь разобраться в случившемся, против Захарыча скоренько состряпали уголовное дело и, обвинив его в халатности, приведшей к гибели человека, быстренько упрятали на семь лет в тюрьму. Далекое его не отправили, благо, в сорока пяти-пятидесяти километрах была своя «Зона отдыха».

Захарыч стоически перенёс жизненную невзгоду, философски рассудив – «Всё, что происходит с человеком в жизни – от Бога, и нужно это испытание претерпеть».

Я, с таким его отношением к данному вопросу не был согласен, и убеждал его, что оставлять подлость безнаказанной нельзя. Говорил ему, что подлость, однажды оставленная без

наказания, породит следующую подлость.

В ответ на мою горячую и сумбурную речь, он только качал головой и тяжело вздыхал.

Когда мы с ним сошлись ближе, я поведал ему о моём желании совершить побег и, вернувшись в Москву, найти настоящего убийцу своего друга. Он долго молчал, а затем, положив мне руку на голову, произнёс, чуть ли не целую речь – «То, что ты задумал грешно. Бог сам покарает убийцу твоего друга, но отговаривать я тебя не буду, потому как, всякий человек живёт не только по Божьему Закону, но и по своему, им придуманному. И, уж коли ты решил вершить собственное правосудие я, сколько бы не пытался тебя отговорить, не смогу этого сделать. Ты же не слушаешь меня, верно?»

Может он и был прав, не знаю, но я решил, и твёрдо решил, найти убийцу своего друга.

Вот с того, приснопамятного разговора, мы и стали готовить мой побег.

Захарыч уговорил «Хозяина» разрешить мне войти в бригаду строителей коттеджа, а затем, вообще пристроил меня к себе помощником по печному делу. Хотя, честно говоря, помощник из меня «аховый». Я не знал, как, и в какой пропорции готовить раствор, не умел правильно расколоть кирпич, а уж о свойствах кирпича нужного для кладки печей, я вообще понятия не имел. Поэтому, всем этим занимался Захарыч, а я только исполнял обязанности носильщика, мешальщика раствора, и других, не требующих знаний и ума,

работ.

Я вообще мог не иметь «голову на плечах», потому что она, при моих скромных обязанностях, была совершенно ни к чему, и чтобы она совершенно не атрофировалась, я занял её расчётами к побегу. А рассчитывать было что...

Так, погрузившись в воспоминания, я и уснул. Ничего меня в последнюю ночь не беспокоило и мне думается, я даже снов никаких не видел, хотя... как знать, может быть и снилось что-то, но только я, как говорится, «заспал».

Глава четвёртая

Рано поутру, одетый как настоящий охотник: старенький треух на голове, поверх телогрейки брезентовый плащ с капюшоном, я его позаимствовал в избушке (да простит меня Захарыч!), а за плечами ружьё и вещмешок, я стал на лыжи и, сказав «С богом!», направился назад, в сторону высоковольтной ЛЭП. Я решил идти не по льду реки, а по просеке ЛЭП. Так я сокращал путь вдвое, а, может быть, даже чуть больше. Это по карте я высчитал, ещё там, в Зоне.

Я не был похож на себя прежнего: чёрная густая борода, отросшая за несколько месяцев и искусственный горб на спине, изменили мою внешность до неузнаваемости. Посмотрев на себя в осколок зеркала, я увидел настоящего деда, вот только глаза выдавали меня – молодые и яркие, они никак не соответствовали придуманному мною образу. Но, подумал я, если их чуть прищуривать, то возможно никто

и не заметит разницу между дряхлым телом и молодым блеском глаз. Да и кому это нужно в наше-то беспокойное время рассматривать старика? Со своими бы проблемами совладать! Так решил я, и окончательно успокоился.

Я решил пройти километров девяносто-сто, точно не знаю, по просеке до пересечения её с федеральной автотрассой, а затем на автобусе доехать до Кинешмы, чтобы оставить в стороне Уфу. Так я уменьшал опасность быть задержанным патрулём, а уж дальше я надеялся добраться до Москвы поездом.

Перебравшись на противоположную сторону реки, я с трудом, пару раз соскочив вниз, преодолел крутой берег и оказался у просеки ЛЭП.

Передо мной, уходя к горизонту, стояли ажурные мачты. Исполины-мачты, связанные проводами как страховочной верёвкой скалолазы, шагали вдаль, то поднимаясь на взгорок, то спускаясь в долину.

Взошедшее солнце освещало это чудо рук человеческих.

Недавно выпавший и ещё не успевший опасть с веток деревьев снег, искрился под солнечными лучами и, переливаясь всеми цветами радуги, создавал волшебную сказку из снега, стоявших в дремотном сне деревьев, и шагающих вдаль мачт ЛЭП.

В этой картине было что-то космическое. Поистине, волшебная сказка! Сказка, достойная быть описанной великими мастерами кисти!

Вдоволь насладившись раскрывшейся передо мной панорамой, я поднял глаза к голубому, без единого облачка небу, и громко закричал: «Сво-бо-да-а!» А затем, прошептав: «Господи благослови!», оттолкнулся палкой и двинулся в снежную сказку.

Первые двое суток пути в основном прошли без приключений, лишь однажды прыткий заяц, выскочив на просеку и увидев меня, дал такого стрекача, что я даже не успел снять со спины берданку. Рассмеявшись и прокричав ему вдогонку: «Улюлю, держи лопухого!», двинулся дальше.

Вечерами, из наломанного лапника и воткнутых в снег лыж, я сооружал себе небольшой шатёр и, разжёгши костерок, доедал холодную зайчатину и пил горячий чай. Горячую, калорийную еду, я готовил утром. Отваривал зайца, выпивал бульон и съедал немного мяса, остальное ел холодным в обед и вечером. В чае я себе не отказывал. Горячий чай после холодной зайчатки согревал мой желудок и наводил на приятные воспоминания, в основном о работе, Ирине, друзьях.

А вот на третьи сутки, остановившись передохнуть я, неожиданно для себя, увидел позади, метрах в ста, матёрого волка с волчицей. Я так решил по их размерам. Я даже вздрогнул от неожиданности.

Густая, серо-серебристая шерсть резко выделяла их на белом снегу и, на какое-то мгновение мне даже показалось, что они пришли из другого, колдовского, мира. Вот их не было,

а вот – они есть!

Озадаченный их внезапным появлением и одновременно напуганный, я стоял и размышлял, что же мне делать с ними. Я смотрел на них, они смотрели на меня, казалось, они ждали, какое решение я приму, и соответственно примут контрмеры.

Я прекрасно, хоть и здорово перетрусил, понимал – оставлять у себя за спиной таких огромных волков было не только не благоразумно, но и опасно. Решение не приходило. Я лихорадочно перебирал в памяти прочитанные книги, вспоминал рассказы охотников, и никак не мог решить, как мне, лично мне, поступить в данном, конкретном случае. А решаться на что-то было нужно..., для собственной безопасности. Так долго наше противостояние не может продолжаться решил я, и медленно потянулся за ружьём.

Хотя..., какой вред я мог причинить таким крупным хищникам? В моих патронах была мелкая дробь, и что я мог сделать, так это только поугатать их и всё.

Но они же не знают этого, промелькнуло у меня в голове!

И, правда, они не стали дожидаться мгновения, когда я сниму со спины и заряджу ружьё, а затем выстрелю. Мгновение, и они скрылись в заснеженном лесу!

Колдовство, не иначе, решил я!

Только сейчас я почувствовал, как по моему лицу обильно течёт пот, а руки мелко дрожат. Тоже мне охотник! – укорил я себя. При виде двух, всего-то двух, волков, чуть не наделал

в штаны, а если бы их оказалось четыре, пять?

И тут же ответил – тебя бы, дорогой мой, уже не было в живых, а мелкие косточки твои растаскивали бы вороны и сороки. Бр-р! Не дай Бог такую смерть! – содрогнулся я и, не знаю почему, неумело перекрестился.

Сколько бы я ни стоял, расстояние от этого не уменьшится, подумал я и, закинув ружьё за спину, побежал дальше. Но теперь я был настороже, и частенько, с опаской, оглядывался назад.

В течение получаса за моей спиной никого не было, но... потом, они опять возникли. Возникли из ниоткуда!

И чего привязались! – ругнулся я, идите зайцев ловите, они жирные, а я худой – кожа, да кости и три дня не умывался, и потом весь провонял.

Волки, словно нарочно издеваясь, придерживались одного и того же расстояния от меня, и как привязанные, настойчиво сопровождали до вечера.

Мне приходилось часто оглядываться, на это уходили время и силы. За сегодняшней день я прошёл всего половину намеченного пути, и к тому же устал здорово. Сказались не только физическая усталость, но и психологическое напряжение.

Каково это – идти в сопровождении голодных волков!

Эх, если бы нас было двое, а лучше бы трое-пятеро! – размечтался я. Но я был один! Один на просеке, совершенно один! Я был один: вдали от жилья и людей, вообще один,

не считая линии ЛЭП и волков.

Собравшись готовиться к ночёвке, я только сейчас спохватился (почему-то эта мысль до этого момента не приходила мне в голову), как я буду ночевать?

Мои глаза тревожно забегали по сторонам, ища хоть какого-то укрытия, но его не было.

Я не знал, что мне делать. Не мог же я всю ночь простоять на ногах с ружьём в руках, как оловянный солдатик из сказки. Выход..., нужно искать выход из создавшегося положения.

И я нашёл его! Честное слово – нашёл! Или... его подсказала мне опасность, или память подсознания, не знаю, но что-то подсказало или надоумило.

Мне, кажется, помогли найти выход книги, прочитанные в детстве. Мне вдруг вспомнился цикл рассказов Майн Рида – «Зверобой», «Соколиный глаз», о возможности человека приспособиться к любой создавшейся ситуации.

Ещё раз внимательно оглядевшись вокруг, я высмотрел огромную, высокую сосну с толстыми ветвями, и стал карабкаться на неё.

Без привычки к таким упражнениям, даже не успев достичь нижних веток, я пару раз сполз назад. После третьей попытки я кое-как взгромоздился на горизонтальной ветке, метрах в трёх-трёх с половиной от земли.

Фу-у! – отдуваясь, словно после многокилометрового кросса, решил я на небольшой отдых, и осторожно бросил

взгляд на волков.

Они подошли ближе, и сейчас находились метрах в сорока от дерева.

Вовремя я забрался, мелькнула у меня мысль.

Волки совершенно осмелев, стали менее осторожными, но, Слава Богу, всё ещё находились на расстоянии.

Осторожно, боясь сверзиться вниз, я отстегнул ремень от ружья и, вытащив свой из брюк, связал их вместе. Балансируя на ветке, как канатоходец на «тросу» в цирке «Шапито», я зарядил ружьё, воткнул его в развилку веток повыше головы, а сам, после нескольких неудачных попыток, всё же привязал себя к дереву.

Положение, конечно, не ахти как удобное, но оно всё же не идёт ни в какое сравнение с тем, что могло меня ожидать, останься я под деревом. Даже если я усну, то не упаду вниз, прямо в раскрытые пасти голодных волков, решил я, туго завязывая ременный узел.

Это меня несколько утешило и, показав зверюгам язык, я громко произнёс: «Ну, что, съели, придурки? Фигу вы получите, а не меня!».

Господи, лучше бы я этого не говорил и не делал. От неаккуратного движения мой мешок с припасами полетел вниз, и я остался без заготовленной зайчатины, вермишели «Роллтон»: не только без ужина, но и без завтрака, обеда, без боезапаса – вообще без продуктов! Хорошо ещё, что я всё время держал в кармане пять-шесть патронов, так, на всякий

случай, а то бы, не знаю даже, как бы я выкрутился.

Волки, казалось, только и ждали моего «подарка». Ментально бросившись к мешку, они за один прикус расправились с моими оставшимися зайцами, а на десерт принялись разрывать пачки с лапшой и, совершенно не жуя (врачи, постоянно пекущиеся о нашем драгоценном здоровье, советуют тщательно пережёвывать пищу), глотать их.

Ну, что я мог поделать? Только одно – смотреть, как они, урча от удовольствия, поедают мою пищу, и кричать на них, пытаясь прогнать – «Ах, вы ублюдки! Чтоб вы подавились!». Но они не подавились: заячьи косточки, которые я раньше с удовольствием обгладывал и обсасывал во время остановок на ночлег и отдых, только похрустывали на волчьих зубах.

После волчьей трапезы на снегу остался разорванный мешок и разлетевшиеся в разные стороны патроны. Их они, в своей великой жадности, почему-то проигнорировали.

А, потом, облизываясь после моей зайчатки и вермишели, они сели возле дерева и стали ждать, когда я свалюсь им прямо в пасти.

Зайцы с вермишелью были для них лишь лёгким перекусом, основная еда ещё сидела на дереве, и они ждали, ждали терпеливо, спокойно, лишь изредка поглядывая на меня, словно говоря – сидишь, ну, посиди ещё, мы подождём, нам торопиться некуда...

В их, смотрящих на меня глазах, мне чудилась насмешка над моим упрямством и, так и казалось, что они про себя

думают – «Никуда не денешься, всё равно ты будешь наш! Не сейчас, так попозже»

– Не свалюсь, не ждите! Не придётся вам потрапезничать моим молодым телом, – глядя в их голодные, жадные глаза, громко возмутился я. – Оно мне ещё самому пригодится, говорил я им, сидя на ветке и боясь сомкнуть глаза.

Место было, конечно, не очень «комфортным» для ночлега. К несчастью, мне ещё вспомнилась моя поездка в гости к товарищу по армии, в Узбекистан. Какие там растут шикарные пирамидальные тополя! Посмотришь на них – стройные, как молодые девушки, а ветви так ловко расположены и растут кверху...

Его сынишка, Ибрагим, устроил в нижнем ярусе ветвей целые хоромы. Вместе с друзьями натаскал туда душистого сена – запах чудо! И спать можно почти как в кровати, обняв ствол дерева словно девушку.

Он меня как-то пригласил к себе в гости, я залез на тополь, в их шатёр – красота! А тут, сиди, привязавшись ремнём, да ещё на твёрдой, холодной деревяшке – врагу не пожелаешь!

Я, помню, читал в одной книжке, как её? Ааа, «Легенда об Уленшпигеле» – о герое Нидерландов, когда там во всю зверствовала испанская инквизиция. Так в этой книжке описывалась такая пытка: сажали человека на бревно, как на коня, а чтобы не сбежал, связывали ноги под бревном и оставляли его в таком положении на всю ночь. Так к утру тот кри-

ком заходился от боли...

Господи, не дай, чтобы и со мной такое случилось! – взмолился я. Нет уж, лучше к волкам в зубы, чем такие мучения.

Небо стало совсем тёмным, и оно покрылось крупными, ярко блиставшими звёздами.

Я даже какое-то время полюбовался ими.

Затем, медленно взошла луна и осветила всё вокруг серебристым, волшебным светом: лес по бокам ЛЭП; меня, привязанного к дереву; сидящих неподвижно, словно истуканы, волков подо мной; и среди всего этого великолепия выделились красавицы ели, опушённые чистым, белым снегом.

Вокруг разлилась сонная тишина и, честное слово, если бы эту картину увидел иллюстратор сказок Бажова, он, нисколько не раздумывая, запечатлел бы её на страницах книги. Думаю, и придумывать-то ничего не надо было бы – так всё было красиво!

Всё вокруг мирно спало, не спали только волки, да я, старательно раздиравший глаза. Но, по-видимому, и меня всё же вначале сморила дремота, а затем незаметно подкравшись, как тать в ночи, пришёл сон.

Один раз за ночь, а может быть и два, я, с трудом разлепляя веки, увидел в ставшем теперь золотистым, свете луны, неподвижно лежавших под деревом, волков.

Они не ушли, паразиты! – сквозь дрёму подумал я, но подумал как-то расслабленно, без особой злости. Они, заразы

ненасытные, ждут!

Мои веки вновь опускались, и я, проваливаясь в сновидения...

* * *

Мне опять приснился мой первый заяц, но в окружении волков, и, чтобы спасти его от их страшных клыков, я нажал на курок. Теперь ружьё не дало осечки – прогремел громкий выстрел, и я, вздрогнув, сразу же открыл глаза.

Наступил ранний рассвет и, первое, что бросилось мне в глаза – поспешно удирающие волки. Кто стрелял?! – возникла в голове испуганно-беспокойная мысль.

Я быстро протянул руку за ружьём – его не было. Его не было! Место, куда я его приткнул было пусто! Не веря в случившееся, я поднял голову, чтобы окончательно убедиться – пусто!

Вконец обескураженный, посмотрел вниз – моё ружьё валялось под деревом, а из ствола курился лёгкий дымок.

Недоумённо переводил я взгляд на ружьё, на удиравших в спешке волков, и тупо соображал, как так могло случиться, что моё ружьё оказалось внизу и само стало стрелять?

Ответа не было, но инстинкт жизни заставил меня быстро развязать ремень и, несмотря на трёхметровую высоту, сигануть с дерева.

Схватив ружьё, я быстро зарядил его и, сторожко оглядываясь по сторонам, собрал рассыпанные патроны.

Рассовав их по карманам, подержал в руках изгрызенный мешок и, убедившись, что он совершенно не пригоден к эксплуатации, отбросил в сторону.

И с лыжами было дрянь дело. Волки изгрызли весь камус и крепления. Пришлось ножом обрезать оставшиеся лохмотья на лыжах и приспособить бечёвки вместо креплений.

Больше здесь мне нечего было делать. По моей прикидке, до автотрассы оставалось пройти каких-нибудь двадцать пять, тридцать километров.

* * *

Привязал лыжи к валенкам, и ещё раз, для успокоения, оглядевшись вокруг, я пустился в дальнейший путь.

Помимо воли я вновь и вновь возвращался к эпизоду с ружьём. Так, говорил я себе – ноги заняты, руки заняты – нужно занять чем-нибудь голову. И я занял её.

Я решил включить в мыслительном аппарате, логику: что мы имеем? – задал я себе вопрос. И мгновенно ответил – мы имеем упавшее ружьё и выстрел.... Далее.... А вот с «далее» было несколько труднее. А, впрочем.... Ии..., я громко, до колик в животе, расхохотался, и чуть не упал от смеха. Да всё очень просто!

Вот, что значит уметь логически мыслить, похвалил я себя:

Вечером я зарядил ружьё и, на всякий случай, не поставил его на предохранитель. Оно, каким-то образом, может быть,

снег упал с ветки, свалилось на волков, и от удара спусковой механизм сработал, грянул выстрел...

Я представил себя на месте ошарашенных выстрелом, полусонных зверюг, и вновь неудержимый смех затряс меня!

Представляю, смеялся я, быстро скользя по спуску с небольшой горки: лежу это, значит, я себе под деревом, подрёмываю, и в предвкушении свежего мяса..., а тут, как снег наголову, бабах тебя по заливку! Только ты вскочил от страха, а тут, над самым ухом твоим опять – бабах! Выстрел! Поневоле пустишься наутёк.

Хорошо ещё, что волки не страдают «медвежьей болезнью», а то бы вообще – вышел бы сплошной конфуз для серых хищников. Их бы ни одна стая потом не приняла... Шахрались бы от них, как от прокажённых.

Настроение моё улучшилось.

В надежде, что волки, напуганные выстрелом, отстанут от меня, я больше не оборачивался и не оглядывался. Но, каково же было моё удивление, когда остановившись передохнуть, я вновь увидел их.

Они всё также трусили в ста метрах от меня и, по-видимому, не собирались прекращать преследование, надеясь, что наменная жертва обессилит и достается им.

Вот настырные! – разозлился я окончательно и, обернувшись, погрозил им кулаком.

Ближе к вечеру в конце просеки, как в маленьком оконце, показалась автотрасса. По ней двигались игрушечные авто-

мобильчики.

Пройдя ещё с километр, я обернулся к следовавшим за мной хищникам и, вновь показав им кулак, закричал: «Ну, что, съели? Не на такого напали! Я, запросто так не собираюсь отдаваться вам в зубы, не дождётесь! Спасибо за компанию!»

От автотрассы меня отделял последний, не очень крутой, спуск.

Оттолкнувшись палкой, я заскользил вниз.

Но судьба, или чёрт, подставили мне подножку в виде порвавшегося самодельного крепления на левой лыже. Лыжа поехала в одну сторону, я в другую!

Пару раз перекувыркнувшись, я воткнулся носом в снег!

Но время терять было никак нельзя, сзади следовали голодные, озверевшие волки!

Быстро перевернувшись на бок, я потянулся за ружьём, но оно валялось в метре-полтора от меня. Ремень был порван. И ещё, краем глаза я увидел приближающихся скачками волков. Я в этот миг почему-то очень хорошо рассмотрел их разинутые пасти и горящие холодной злобой глаза.

Дотянуться до берданки у меня уже не было времени. Всё, пропал, решил я отрешённо! Но инстинкт самосохранения заставил меня быстро думать. За долю секунды я перелопастил в мозгу не менее сотни, казалось бы, безвыходных ситуаций.

Волки одновременно прыгнули на меня!

Я, изловчившись, быстро перевернулся на спину, подставил прыгнувшим волкам обе ноги с оставшейся на ноге лыжей, и перекинул их через себя.

Они отлетели метров на пять и, быстро вскочив, опять бросились ко мне, но я уже лежал с ружьём в руках! Я был готов отразить нападение!

– Убью!!! – в ярости заорал я, – хоть одного, но убью!!!
Чтоб вы сдохли, недоноски вонючие!!!

Первой прыгнула волчица, но заряд дроби вылетел ей навстречу!

Она упала метра за полтора до меня.

Оставался волк! Крупный, сильный, матёрый зверь – глаза его пылали жадой убийства и мщениа!!!

Какой древний, охотничий навык подсказал мне, как действовать, не знаю! Но, как только волк прыгнул и оказался в воздухе надо мной, я мгновенно, уперев приклад ружья в твёрдый наст, поднял ствол вверх, и волк, как на вертел, насадился на ружьё!

Хватаясь за ствол, клацнули волчьи зубы!

Горячая волчья кровь обрызгала мне лицо и одежду. Я лежал под волком и ждал конца его агонии.

Это была ещё одна моя победа в борьбе за жизнь!

А ещё через час я, покачиваясь от усталости, стоял на обочине дороги и, подняв руку – голосовал. Я пытался остановить проезжающие с рёвом машины.

Глава пятая

Прошло, не останавливаясь, несколько фур-большегрузов, пока одна из них, чуть проехав вперёд, не остановилась. Я, забыв, что должен походить на старика, бегом бросился к кабине КАМАЗа. За рулём сидел усатый, несколько полноватый водитель с адидасовской кепкой на макушке. Его крупные, покрытые рыжим волосом руки, спокойно лежали на рулевом колесе.

– Куда, дед, едешь? – лёгкая полуулыбка легла на его лицо.

– В Чишму, сынок, в Чишму, – прохрипел я, чуть задохнувшись от бега. Подвезёшь, сынок, пристал я очень?

– Садись дед. До Уфы доставлю в лучшем виде, а там пересядешь к другому дальнобойщику.

Водитель оказался из молчунов. Он непрерывно слушал музыку, и лишь однажды поинтересовался, зачем я туда еду? Пришлось соврать, что еду проведать сына, что сын работает на железной дороге...

Выслушав ответ, водитель достал из стоявшей сбоку сумки пирожок и угостил меня. Я был так голоден что, даже не распробовав его вкуса, в два глотка проглотил его. Увидев мою расправу с пирожком, он, хмыкнув что-то в усы, проговорил: «Да ты, я вижу, голоден, как не знаю кто! Подожди, я сейчас.... Вот только остановлю свою телегу, и всё будет, о, кей».

Он съехал на обочину и, заглушив двигатель, принялся доставать из сумки еду, приговаривая при этом:

– Мне тоже пора перекусить, который час за рулём и не евши. Так что, дед, не стесняйся, бери.

Он развернул пакет, и протянул мне бутерброд:

– Вот хлеб с салом, а хочешь, колбасы пожуй, потом попьём чаю. У меня жена знатно чай наловчилась заваривать в термосе.

Я не стал церемониться и разыгрывать из себя скромницу – налёг на бутерброд с салом и колбасу, а потом мы выпили по кружке горячего чая.

Насытившись и утолив мучавшие меня голод и жажду, я полез в карман и стал предлагать ему деньги, но он отказался и, по-моему, даже обиделся.

– Дед, ты за кого меня принимаешь? Разве можно отказать в пище голодному, а в питье, жаждущему? – Разве я нерусь какая-нибудь? – Неужели похож?

Я честно поклялся, что он совершенно не похож на «нерусь» и не стал настаивать, а от всей души поблагодарив за сытную и вкусную еду, устало прикрыл глаза.

Мы ехали почти всю ночь, а на одной из остановок, он пересадил меня к другому дальнобойщику. Этот оказался из тех ещё говорунов! Весь путь он только и рассказывал, какая у него прелестная девушка и что скоро, месяца через два-три, они сыграют свадьбу. Вот, чуток ещё подзаработает и всё, баста, он – женатик!

Часа через четыре неумолкающих ни на секунду «новостей из жизни» мы были в Чишме.

Попрощавшись и пожелав друг другу удачи, мы расстались.

Провожая взглядом удаляющийся КАМАЗ, я вдруг запоздало пожалел, что не поехал дальше. А ведь мог бы, водитель предлагал.

Только оказавшись на обочине дороги, я понял, а поняв, тяжело вздохнул – я совершил огромную глупость. Он же ехал до самой Перьми, и я спокойно мог бы ехать с ним, не заморачиваясь на автобусах. Но дело сделано, и назад упорхнувшее не вернёшь.

Ещё не всё потеряно, решил я, и отправился разыскивать автостанцию.

Оказывается, она и железнодорожный вокзал расположились по-соседству, на одной площади.

* * *

Побродив немного по привокзальной площади и вокруг здания вокзала, я заметил трёх бомжей: двух мужчин неопределённого возраста и женщину, как видно здорово страдавших от перепития. У меня созрел план: чем болтаться в автобусе с сомнительными удобствами, не лучше ли прямо отсюда сесть в поезд и с комфортом ехать в Москву?

Выполнению этого замечательного плана мешало только одно препятствие..., вернее, два – у меня не было паспорта, чтобы купить билет, но зато был страх, что меня ищут, и долго ещё будут искать. Но всё же я решился – рисковать,

так рисковать, сказал я себе! Говорят: «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское!» Вот я и решил рискнуть, хотя в награду бутылку шампанского, я думаю, мне не предложат, ни сейчас, ни в ближайшем обозримом будущем!

– Что, ребята, колосники горят? – как-бы, между прочим, поинтересовался я, присев рядом с ними на привокзальную скамью.

– А тебе какое дело, дед? Проваливай, не мешай отдыхать порядочным людям, – совершенно пропитым голосом проскрипел, худой донельзя бомж.

Наверно он болен чахоткой, подумал я, вон как щёки покрылись румянцем. Даа, от такой жизни не только туберкулёз, а что угодно можно подхватить...

А, ведь точно, туберкулёзник – окончательно утвердился я, когда он надрывно и надолго закашлялся, а затем прикрыл рот рукавом, потерявшей цвет куртёшки.

– Так, что, болезные, подлечить вас, или сами справитесь?

При последних моих словах на лицах бомжей появился интерес к моей персоне, а женщина, вот уж женская природа, быстро поправила седой клок волос и умильным голосом произнесла:

– Ты, что, дедушка, разбогател после получения пенсии и тоже выпить хочешь, да бабка не позволят?

– Вот и не угадала. Мне бы билет на поезд купить, – рискнул я раскрыть свои карты. Да, вишь, пачпорт дома позабыл... Склероз у меня, понимаешь..., болезнь такая?

– Насчёт склероза я понимаю. Я, как выпью, так совсем обеспамя... обес... тьфу, напасть. Ну, ты, старый, жизнь прожил, знаешь, чем такая болезнь лечится...

– Догадываюсь, – согласился я с её словами, – догадываюсь. Сразу видно, умная ты женщина, знаешь, как подыхать, – подольстил я на всякий случай. Но, и я не лыком шит, понимаешь?

– Угу, – соглашаясь, кивнула она головой.

И продолжил – «За просто так и чиряк на одном, тебе хорошо знакомом месте, не вскочит». Я заговорщицки подмигнув, решил скрасить разговор грубой шуткой. Ты вот лучше скажи, у кого из вас... пачпорт имеетца?

Бомжиха, наморщив лоб, на какое-то время задумалась, а чахоточный захлопал по карманам своей, подбитой всеми ветрами и молью, куртёшке.

– Неа, у меня нетути. Кажись, потерял, – и вновь закашлялся.

– Витюха, – оживлённо повернулась бомжиха к молчавшему до сих пор третьему, – зенки-то расшиперь. Слышь, чо хороший человек просит.

– А чо он просит? – чуть приоткрыл правый, не затёкший синевой глаз, Витюха.

Здоровый ему фингал под глаз подвесили, решил я, когда он приподнял опухшее лицо. Профессионально и..., с любовью.

– Я... кажись, у тебя пачпорт видала.

– Щас пошарю.

И он, так же, как перед этим чахоточный, захлопал по своим карманам, а бомжиха и чахоточный, часто сглатывая слюну, с надеждой следили за его руками.

– Неа, нетути.

– Как так, нетути! – сквозь кашель прошипел чахоточный.

Я тожеть видел его. Ты погляди во внутреннем кармане.

– Да нетути – я ж шарил...

– У тебя дырка в кармане. Вот туда пачпорт и провалился.

Ищи, морда битая, в подкладе.

– Щас, – и Витюха поднял полу старенького пальтеца.

Неожиданно, неподбитый глаз его прямо-таки засветился счастьем.

– Во, блин! Точно, туто-ка. Нашёл, – довольно произнёс он, – и чо дальше?

– Дай сюды, – скомандовала бомжиха и хищным движением выхватила у него паспорт.

Затем, повернулась ко мне.

– Дед, неси флакон и закусь!

– Щас! – охладил я темпераментную женщину. Пошли сначала в кассу за билетом.

И я, в сопровождении вздыхающей, кашляющей, сморкающейся компании, направился в здание железнодорожного вокзала, к билетной кассе.

Мне повезло, правда, повезло: у бомжа случайно сохранился паспорт, а в здании вокзала не было вездесущих, го-

товых на халяву выбить лишнюю копейку с человека, дежурных полицейских.

И, вот я, за бутылку водки, пару банок кильки в томате и двухдневной свежести батона хлеба, получил долгожданный билет на поезд до Москвы.

До подхода поезда оставалось часов пять. Найдя камеру хранения и рядом, подрабатывавшего упаковкой багажа, тщедушного, явно пьющего, разбитного мужичонку, я попросил упаковать в бумагу лыжи и ружьё вместе, и обвязать шпагатом так прочно, как это только возможно. За это я доплатил ему сотню рублей.

Теперь ружьё не выделялось, а упаковка не расплзлась у меня в руках. После проделанной процедуры я был полностью готов стать железнодорожным пассажиром, со всеми вытекающими правами и обязанностями.

* * *

На шестые сутки после прощания с домиком Захарыча, я прибыл в Москву. Всё так же одетый, но только без ружья (оно было упаковано вместе с лыжами), я спустился в метро. Слава Богу, металлоискатель не сработал. Почему? Надо было бы спросить у него, но мне было некогда, я торопился. Доехал до «Баррикадной», а уже оттуда, поспешая, отправился на Большую Никитскую, чтобы встретиться с Ириной.

Она работала, надеюсь, и сейчас работает, менеджером в Доме писателей. Я поискал на стоянке её «Мазду». Слава

богу, машину и номера на ней она не поменяла, и стал ждать, надеясь, что она скоро выйдет – рабочий день вот-вот должен был закончиться.

Я стоял у выезда со стоянки на улицу, и был готов совершить «героический» для себя поступок.

Вот показалась её «Мазда» и я, «неожиданно», оказавшись на проезжей части, словно сбитый её машиной завалился на холодный асфальт. Ирка несколько секунд сидела за рулём, не шевелясь, словно не могла сообразить, что же произошло, и откуда появился старый дед перед бампером её машины, затем, открыла дверку и, с возгласом:

– Что с вами? – бросилась ко мне.

Приговаривая «О, господи! Да, как же это?», она попыталась поднять меня, но я, болезненно охая, сам медленно поднялся и, прихрамывая, направился к её машине. Ирка, поддерживая меня под руку, казалось, она боялась меня выпустить из рук, следовала за мной.

– Да, да, – поняв моё намерение, быстро говорила она, – садитесь в машину, я вас отвезу в травматологию. Господи, дедушка, хоть бы всё с вами было в порядке! Ну, что за день такой, невезучий!

Я, несмотря на её явное расстройство, искоса любовался ею.

В этот момент она была обворожительно хороша: светло-рыжие волосы локонами обрамляли побледневшее лицо. На нём... голубыми озёрами выделялись встревоженные гла-

за. А её пунцовые губки были так заманчиво-соблазнительны, что будь это в другом месте и не при данной ситуации, я бы обязательно прильнул к ним поцелуем.

На ней ладно сидело светло-серое пальто, а стройные ножки были обуты в чёрные сапоги на высоком каблучке. И всё это великолепие венчала белая пушистая шапочка.

Ирка хитрюга... нет-нет, не хитрюга, а настоящая, знающая себе цену, молодая женщина. Она умела выгодно подчеркнуть свою соблазнительную фигурку и заставить любоваться собой.

Через два квартала я попросил её остановить машину.

Повернув голову, она, ничего не понимая, уставилась на меня своими глазами-озёрами. А через мгновение, покраснев, прошептала:

– Дедушка, может быть, вам деньги нужны? – и тут же полезла в сумочку.

Она стала там что-то перебирать, перекладывать...

– Ирка, мне не нужны твои деньги, – проговорил я, теперь уже своим, нормальным голосом.

Её рука, державшая несколько бумажных купюр разного достоинства, на половине пути ко мне застыла в воздухе, а в глазах мелькнуло удивление, испуг, радость – всё одновременно. Она долго и пристально разглядывала меня, а затем неуверенно прошептала:

– Ты-ы?

И, казалось, пытаясь избавиться от наваждения, она по-

мотала головой и переспросила:

– Алексей...? Это, правда, ты..., Алексей? Это не сон?

– Не пугайся и не удивляйся – это, правда я, в камуфляже и без грима.

– Ноо, ка-а-к? Ты же..., ты же, – она немного замялась, – ты же... в... тюрьме?

– Как видишь, нет. Я не только не в тюрьме, а совсем рядом с тобой.... Я не мираж, можешь даже прикоснуться ко мне, – слегка пошутил я.

– Ни-че-го не по-ни-маю, – побледнев ещё больше, почти по слогам прошептала она.

– Ириш, давай отъедем куда-нибудь, где поменьше народу, и там поговорим.... Лучше за город, в какое-нибудь недорогое кафе. Я голоден, как не знаю кто!

– Хорошо.

Она ещё раз посмотрела на меня. Казалось, она всё же ещё не совсем была уверена, что на заднем сидении её «Мазды» действительно сижу я.

* * *

Через некоторое время мы сидели за столиком в небольшой загородной кафешке, и ели. Вернее, ел я. Ел, потому что был зверски голоден, а Ирина, не сводя с меня задумчивого взгляда, лишь пригубливала по глотку, кофе.

Проглотив пару порций второго – свою и Иркину я, отпивая понемногу из бокала белое вино, кратко поведал ей

о своей жизни и приключениях после приговора районного суда.

Она слушала внимательно, и лишь однажды перебила мой рассказ, поинтересовавшись, почему я не написал ей ни одного письма, не прислал весточку о себе... , почему... , – она, не договорив, замолчала.

В её глазах явно читались, и непонимание происходящего, и желание поверить мне, и ещё много чего.

– Ириша, я очень хотел написать десять, двадцать, сто писем... , и... я их писал, честное слово писал, но только в голове, мысленно, а не на бумаге. Я очень хотел видеть тебя, слышать тебя, и тоже очень хотел получить от тебя хоть строчку, но не мог себе этого позволить, чтобы не привлекать к тебе внимания органов.

Поверь мне, я тебя люблю и твоя жизнь, твоя любовь, если ты всё ещё любишь меня, по-прежнему любишь, много для меня значат...

– Ах, Лёша, Лёша... , одна строчка твоего коротенького послания и...

– Ты, что... , у тебя кто-то есть? – испуганно спросил я, и мне кажется, даже побледнел.

Она не ответила, заставив моё сердце болезненно замереть в предчувствии огромной потери... , потери любимой Иришки.

– Скажи мне, только правду скажи, Алексей, тебя оправдали, и ты... теперь...

– Нет. Я убежал и меня ищут, – решился я на полную откровенность, потому что без её помощи я не смог бы осуществить свой план...

И, если она..., если у неё.... Я совсем запутался в своих мыслях и не нашёл ничего лучшего, как брякнуть:

– Ты поможешь мне?

А, брякнув, стал с тревогой и душевным волнением ожидать её ответа, как ожидал когда-то решения суда.

Она долго молчала, казалось, она что-то решала для себя, а потом медленно-медленно проговорила:

– Я помогу тебе...

И, вдруг, словно прорвалась плотина, она громко продолжила:

...Чёрт бы тебя забрал, Алексей! Ты где-то пропадаешь на год, а потом появляешься в дурацкой одежде старика, да ещё горбатым, и начинаешь что-то требовать от меня..., спрашивать люблю ли я тебя! Господи, как я ждала от тебя хоть одно письмо, ну, не письмо, а лишь одну строчку..., а ты, ты?! – Ты, молчал.

Крупные слёзы горечи и обиды, как два ручейка, полились из её глаз.

Я знал, что виноват перед ней, но... я хотел отомстить за мою сломанную жизнь и за смерть Севки и..., я очень любил её. Поэтому, сидел и ждал её окончательного решения.

На нас стали оглядываться сидящие за соседними столиками посетители и, чтобы как-то успокоить Ирину, я по-

ложил свою руку на её мелко подрагивающие от волнения, пальцы.

Постепенно она немного успокоилась. Её рука с пустой кофейной чашкой перестала нервно постукивать по столу, и Ирина, вытерев слёзы, изучающе взглянула на моё лицо. Казалось, она хотела найти в чертах моего лица ответ на мучивший её вопрос.

Вероятно, она нашла то, что хотела найти или увидеть и, с какой-то неуверенностью в голосе, прошептала:

– У нас есть дача, правда небольшая.... Можешь..., временно, пока не разберёшься со своими делами, пожить в ней...

– Аа-а... у тебя уже нельзя? – с некоторой надеждой заглянул я ей в глаза.

– Пока нельзя.... Быть может..., потом..., не знаю, – и, она замолчала.

Я понял, у неё кто-то есть: моё сердце дрогнуло, в нём, на короткое мгновение, вспыхнула боль, да так и осталась занозой, а глаза застлал туман.

– Да не смотри ты на меня так, нет у меня никого, – прошептала она.

На сердце стало немного легче, но всё равно оно продолжало громко выстукивать в груди. Я смотрел на Иришку и не мог оторвать взгляда от её лица. Бывает же так в жизни: встретятся два совершенно незнакомых человека и, словно магнитом, притянет их взгляды и души друг к другу. А серд-

це начнёт выстукивать – это он, это она, это моя судьба!

Конечно, сердце тоже может ошибиться, принять желаемое за действительное, но только не у меня. Я совершенно точно знал – Ирка, моя судьба до конца жизни. Только вот... думала ли она так же обо мне? А насколько было бы мне легче, если бы я был уверен в её ответном чувстве.

Раньше, до тюрьмы, я был уверен, а сейчас... не знаю, да и она на мой вопрос не ответила конкретно, промолчала...

Одним глотком я опорожнил бокал с вином.

Ирина, не говоря ни слова, поднялась и пошла на выход, а я, расплатившись за обед и чуть отстав, последовал за ней.

* * *

Её дача, вернее, дача её родителей: небольшой двухкомнатный дом в самом конце деревни, мне понравилась. Всё в ней было без изыска, просто, но чисто и опрятно, то есть, как сказала Нона Мордюкова в известном фильме – «Бриллиантовая рука» – «Простенько, но со вкусом». Очень правильные слова и они, как нельзя лучше описывали Иркину дачу!

– Располагайся. Можешь затопить плиту, дрова в сарайчике... – Найдёшь дровяной сарай, или показать? А я..., я схожу, предупрежу соседей и правление, что на зиму сдала домик в аренду – так будет меньше разговоров и вопросов к тебе.

Ну, что ж, подумал я, хоть и без президентских удобств,

но всё-таки крыша над головой и, пока она не ушла, быстро спросил: «Ириш, ты вернёшься? А то... мне...»

На какое-то мгновение она задержалась у двери и, уже держась за дверную ручку, ответила – «хорошо!»

Я растопил плиту, благо, живя в зимовье Захарыча, я поднабрался опыта по этому, отнюдь не простому действию, а минут через тридцать пять-сорок вернулась Ирина. Оказывается, она успела смотаться в ближайший магазин и купила продуктов.

Выложив всё на стол, она села на стул и, подперев голову рукой, стала наблюдать за запевшим свою нехитрую песенку, чайником. Я тоже присел к столу и попытался взять Ирину за руку, но она медленно убрала её и, отрицательно покачав головой, опять повторила сказанные в кафе слова – не сейчас... потом, как-нибудь.

Огорчившись, я, понутив голову, сидел и молчал, и не знал, как приступить к разговору. Помогла мне сама Ирина.

– Ты, что-то хотел сказать мне или попросить... – взглянула она на меня.

– Да..., я... хотел, – начал я неуверенно, – чтобы ты наведалась в мою квартиру, только... очень-очень осторожно, так осторожно, чтобы соседи не заметили..., и не слышали...

– Ты что, с ума сошёл! Как я туда пойду...? А, если её уже кто-то занял? – испуганно перебила она меня.

– Кто её может занять?! Это, чёрт возьми, моя квартира!

Моя! – возмущению моему не было предела.

– Ладно, ладно, успокойся. Не кипятись. Схожу я. Что ты ещё хотел от меня, кроме, как сходить и посмотреть твою квартиру? Я же тебя знаю. Тебе ещё что-то надо?

Я провёл целый инструктаж, подробно разъяснив, что и как она должна сделать, попав внутрь квартиры. Главное, напутствовал я её, не забудь о документах в сейфе, ты поняла? И уже заканчивая инструктаж, я вспомнил ещё об одном немаловажном деле: да, захвати мне комплект одежды, вплоть до пальто или куртки, на твой выбор, но лучше и то, и другое. Сама посуди, не могу же я, свободный художник, если судить по моей обросшей личности, ходить в зэковской телогрейке с номером на спине, и зэковских штанах по городу.... Да меня на первом же углу задержит полиция. Мне ещё повезло, что я до твоей конторы без приключений добрался...

Я улыбнулся, вспомнив испуг Ирины при моём падении перед её машиной, и как она предлагала мне деньги...

– Хорошо, Лёша, я постараюсь, – ответила она и собралась уходить.

– Может... всё-таки... останешься, – взмолился я, потянувшись к ней руками, – я так давно тебя не видел и очень скучал... без тебя... – Пожалуйста, останься...

– Не сегодня, – ответила она, и мягко отвела мои руки от своей талии, – я же тебе уже сказала – мне нужно привыкнуть, что ты вернулся.

Огорчённый её отказом и вздохнув раз-другой, я пошёл её проводить до машины.

Тихо, словно ласковый кот, заурчал двигатель мазды, вспыхнули, освещая дорогу, фары. Затем, плавно, словно на морских волнах, покачиваясь и освещая заборы и дачные домики, свет фар постепенно удалился и пропал за поворотом.

Я остался один. На душе было грустно и неуютно. В голову лезли разные мысли и, чтобы избавиться от них, решил лечь спать. И не заметил, как уснул. По-видимому, сказалось нервное напряжение последних дней и организм, чувствуя большую психологическую нагрузку, решил устроить себе отдых, чтобы не сорваться.

Глава шестая

Возвращения Ирины я ожидал не ранее, как дня через два-три, и чтобы чем-то занять себя, занялся уже привычным после жизни в домике Захарыча, делом – колкой дров. Хорошо, что отец Ирины заблаговременно позаботился ещё с осени, и завёз почти полный сарай пиленых чурок.

«Есть, чем потешить молодецкое плечо» – прикидывая объём работы, с лёгкой иронией подумал я. Вот и займись ею, а не стой, скаля зубы, подбодрил я себя, и принялся махать топором.

Наколотая кучка дров всё росла. Ну, вот, это совсем другое дело, подумал я, когда крупные капли пота побежали

по лицу.

Оглядев кучу наколотых дров, я решил, что на сегодня хватит и, сложив дрова в поленницу, прихватил пустое ведро и направился к колодцу набрать воды. С детских лет я мечтал покрутить колодезный ворот. От этой, совершенно неожиданно исполнившейся мечты, мои губы расплзлись в улыбке.

Ирина приехала вечером, второго дня. Затащив большую сумку в дом, она молчаливо сняла пальто, разулась и лишь потом, как-то виновато посмотрела на меня.

Я всполошился! Неужели Ирку засекли всезнающие и любопытные донельзя, соседи? Но оказалось – нет. Дело обстояло несколько иначе, и совсем уж не так плохо, потому что, она сказала:

– Прости, Лёша, я не выполнила своего обещания. Правда..., я... очень-очень пыталась. Я два раза приезжала к твоему дому, заходила в подъезд, а дальше... Лёша, оказывается, я такая трусиха, такая трусиха. И, словно оправдываясь, извиняющимся тоном продолжила, – я тебе купила в магазине всё, что ты просил, даже носовые платки...

И, закончив оправдываться, Ирка вздохнула, посопела носом, затем, продолжила:

...Может..., ты сам..., как-нибудь, а?

Я прижал к себе такую нежную, такую родную, и такую желанную Ирку, и нежно поцеловал её глаза, а потом губы. Она не отстранилась, а лишь уткнулась лицом в моё плечо.

Так, не шевелясь, мы простояли, может быть, минуту, а может быть и больше. Я почувствовал, как душевная близость вновь возвращается к нам, и не захотел торопить события.

Затем, приподняв её лицо, заглянул в голубые глаза и спросил:

– Ириш, ты не очень устала, давай, прямо сейчас, смотемся, вдвоём? Понимаешь, мне..., мне, очень нужны копии документов моей фирмы, ии-и... деньги конечно.

Она подняла свою светло-рыжую головку, посмотрела на меня и, соглашаясь, кивнула.

– Тогда посиди, выпей чаю, он свежий, я только-только его заварил, – и, схватив сумку с привезённой Ириной одеждой, пошёл в другую комнату переодеваться.

Когда я появился в комнате уже полностью готовым в дорогу, она подняла глаза от чашки и, кинув на меня оценивающий взгляд, восторженно прошептала:

– Лёш, а тебе здорово идёт бородка, ты стал весь такой..., такой, – она пощёлкала пальцами, – такой импозантный. – Ты и, правда, оченьходишь на художника..., или... писателя. Я тебе, Лёша, вместо шапки берет куплю, ты будешь его носить чуть набок.

Было уже часов десять вечера, когда мы подъехали к моему дому. Вокруг была тишина. Почти все окна дома были освещены, только окна моей квартиры чернели провалами. Я, взяв за руку Ирину, стал подниматься на свой, третий

этаж. Сегодня все лестничные площадки были ярко освещены, и я боялся, что кто-нибудь из любопытствующих соседей откроет дверь квартиры и выглянет на шум наших шагов. Поэтому мы, из осторожности, пробирались почти на цыпочках, как в балете.

Дверь моей квартиры была опечатана – белела приклеенная полоска бумаги с фиолетового цвета, неразборчивой круглой печатью.

Слава богу, пока никто не позарился на квартиру, или не смог открыть, решил я, и, аккуратно надрезав бумажку с печатью, набрал код замка. Замок тихо щёлкнул и... стальная тяжёлая дверь, словно приглашая войти, открылась перед нами.

Только я успел сделать шаг в прихожую, как стоявшая позади Ирка, наверное, пытаясь быстрее войти в квартиру, нечаянно толкнула меня в спину. Чтобы не упасть, я схватился за вешалку и непроизвольно сделал ещё один, оказалось, роковой шаг. Я всегда знал, а сейчас у меня совершенно вылетело из головы, что у вешалки стоит банкетка – вот об неё я и споткнулся.

С ужасом я понял, что падаю, и вместе со мной падает Ирка. Как мог, я постарался при падении поменьше наделать шуму...

– Ирка, ты, как слон в посудной лавке. Не можешь, поаккуратней? – прошипел я.

– Не могу. Я боюсь! – лёжа на мне и не пытаясь встать,

шёпотом ответила она.

– Вставай, трусиха. А то я могу, чёрт знает, что подумать о твоей позе.

Ирку словно ветром сдуло с меня. Она включила свет в коридоре. Я быстренько захлопнул входную дверь и, обернувшись к Ирке, прошипел:

– Не вздумай включить свет в других комнатах, дурёха! В квартире же не должно никого быть.

Подсвечивая фонариком и стараясь ступать бесшумно, я прошёл в зал, заглянул в спальню и гостевую комнату. Всё было на месте. Закончив обход квартиры, вернулся в коридор и позвал Ирку на кухню.

– Посиди, только тихо-тихо, как мышка, пока я буду заниматься своими делами.

– Можно, я пока открою окна и проветрю квартиру, а то дышать совсем нечем?

– Ты с ума сошла? – шикнул я. Сиди смирно и, ни-ни! Не шевелись!

Осторожно отодвинув электроплиту от стены я, набрав код, открыл встроенный в стену небольшой сейф. Опять нажал кнопку фонарика и направил луч в его тёмное нутро. Вытащив документы и несколько пачек долларов, сложил всё в пакет, закрыл сейф и поставил плиту на место.

Закончив «Операцию» по изыманию собственности из собственного же сейфа, я присел к столу напротив Ирины.

– Посиди ещё немного, я соберу кое-какие вещи, и сра-

зу же поедем. Да, чтобы не забыть – вот тебе пара тысяч долларов, поменяешь их, когда будет время и, пожалуйста, сходи в ЖЭК, заплати за меня долг и не забудь заплатить за охрану моей машины. Кстати, заодно убедись, что её не разграбили. Сделаешь?

– Да, Лёша. Пожалуйста, собирайся, только побыстрее, а то я, как на иголках..., нервничаю от страха.

– Потерпи ещё несколько минут. Я только кое-что возьму в дополнение к купленным тобой вещам.

Вернулись мы на дачу часов в двенадцать ночи. Ирина загнула машину во двор, благо я заранее побеспокоился очистить его от снега, и занесли вещи в дом.

Снимая куртку, я повернулся к Ирине и, с надеждой в голосе, спросил:

– Останешься? Куда ты поедешь так поздно? Пока доберёшься до квартиры...

– Останусь... – раздумчиво ответила она, – действительно, слишком поздно возвращаться, а мне утром на работу.

Я надеялся услышать от неё другие слова, и ждал продолжения, но, так и не дождавшись, пошёл стелить себе постель на диване.

Я долго ворочался, пытаюсь уснуть, но сон всё не шёл ко мне. Я всё прислушивался, к такому знакомому мне, дыханию спящей Ирки. Она всегда дышала ровно, чуть посапывая... и, я не выдержал.

Осторожно, пытаюсь не потревожить её, я примостился

рядом с ней и обнял рукой. Она что-то пробормотала во сне и, немного повозившись, прижалась ко мне, а затем вновь тихо засопела.

Я лежал, боясь пошевелиться, чтобы неосторожным движением не нарушить её сон и, неожиданно, самым банальнейшим образом, уснул.

Проснулся я поздним утром. Ирки в доме не было, лишь на столе белела записка с красноречивыми словами – Лёшка, ты свинтус! – Как ты посмел, без разрешения, забраться ко мне в постель? К моему приходу приготовь ужин.

Ира.

Прочитав записку, я понял, она не рассердилась на меня. И от счастья осклабился во весь рот, а затем, как первоклассник, запрыгал на одной ноге, но и этого мне показалось мало. Продолжая прыгать на одной ноге, дурашливо запел – «Ты свинтус, свинтус, свинтус... свинтусом был всегда...»

К её приходу я приготовил достойный принцессы ужин, и даже успел сбежать в магазин за бутылкой белого вина.

Переодевшись в купленный Иркой тёмно-серый костюм и повязав галстук на свежeweыглаженную рубашку, я с нетерпением стал дожидаться её прихода.

Наконец, во двор въехала её вишнёвая мазда, и через минуту Ирка попала в мои любящие объятия.

* * *

...Мы проговорили, чуть ли не всю ночь. Она, перескаки-

вая с одной темы на другую, рассказывала мне о своей жизни без меня, говорила, как она скучала и мечтала поехать ко мне, но побоялась... – Бессовестный, упрекнула она меня, ты не написал мне ни одной строчки!

Я просил у неё прощения, и в знак покаяния целовал её. Она смеялась ласковым, воркующим смехом, а я млел от счастья, находясь на вершине блаженства.

Затем, без перехода, она начала рассказывать, как пыталась выполнить моё поручение...

– Какое поручение, – удивился я, сразу не сообразив о чём речь.

– Как, какое? А, посещение твоей квартиры.

– Ааа... соизволил я сообразить... – Так ты, вот про что? ...Представляешь, Лёша, въезжаю я во двор, рассказывала она, а там машину негде поставить, все места заняты. Что делать? Подумала, подумала, и оставила её прямо возле двери. Вхожу в подъезд, а у самой руки, ноги дрожат. Поднимаюсь на третий этаж, подхожу к двери, а на двери эта бумажка с печатью. Я уж было совсем собралась её оторвать и ключи уже достала из сумочки, вдруг, слышу: топ, топ, топ... Кто-то идёт.

Тут, такой страх на меня напал, я чуть не описалась. Пулей, прыгая через две-три ступеньки, выскочила во двор и в машину юркнула. Ключ зажигания вставляю, а он, зараза, не вставляется. Руки-то от страха дрожат. Ну, потом, встала, завела машину и дёру! При развороте на газон залете-

ла, представляешь. Еле выбралась... Вот натерпелась страху, не дай Бог!

Потом настала моя очередь рассказать ей, как я тоже скучал без неё, как готовил побег, как заболел, и как валялся беспомощный, в избушке. А ещё, я ей много рассказал о своём друге, Захарыче.

За окном начало сереть, наш разговор стал прерываться паузами и постепенно гаснуть. Ещё сказав друг другу по несколько слов мы, крепко обнявшись, уснули.

Глава седьмая

У Иришки сегодня был выходной, встали мы поздно, а позавтракав, ушли кататься на лыжах.

Весь день мы провели вместе. Дурачились, и даже пытались кидать снежки. Иришкино лицо на слегка морозном воздухе порозовело, а потом, я заметил, как кончик её носа стал белеть, тогда я набрал в ладонь снега и стал оттирать её нос. Она попыталась вывернуться из моих рук, но я продолжал тереть, пока он вновь не порозовел, а я не заработал прозвище – изверг!

После лыжной прогулки на свежем воздухе мы, примостившись у открытой дверки горячей плиты, пили из кружек горячий, душистый чай, заваренный по моему рецепту, вернее, по рецепту Захарыча и смотрели на огонь. Было так по-домашнему уютно, что я даже подумал, хорошо бы вообще перебраться жить в деревню.

Ну его к ляду, этот город, с его смогом, толпами людей на улицах и вечными автомобильными пробками на дорогах. Здесь тишина и благодать, здесь человек отдыхает душой и получает заряд бодрости. Вот, взять хотя бы нас с Ирккой, как хорошо мы отдохнули на свежем воздухе, сколько новых впечатлений мы получили.

Я так смеялся, когда Иришка, смешно приоткрыв рот, даже попыталась ворону, сидящую на ветке дерева, передразнивать – Каа-рр, каа-рр, картавила она. Ворона, склонив голову набок, послушала, послушала и, ничего не поняв из Иркиного карканья, наверное, решила – сумасшедшие какие-то.

Обиженно сказав на прощание на своём, вороньем языке – Каа-р-р! – взмахнула крыльями и улетела.

Мы хохотали до упаду над Иркиной попыткой поговорить с вороной на её родном языке.

В эти безмятежные дни жизни на даче, я как-то совершенно забыл, что я в бегах, что я беглый зэк и меня ищут, что у меня нет паспорта и что я для всех, кроме Ирины – не человек, а ноль без палочки и к тому же, убийца своего друга.

* * *

На следующий день после нашего отдыха, проснувшись утром, я всё это вспомнил и, посмотрев на спящую Ирину, почувствовал, как жалость к ней заползает в мою душу.

Что же я делаю с твоей жизнью, Ирка? – волнуясь за по-

другу, подумал я. Зачем я ломаю её? Что тебя может ожидать в будущем? А, если меня поймают? А, если меня убьют?..

Так я терзался смотря на неё и не находил выхода из создавшегося положения... да и был ли он, этот выход, у нас вообще?

Ирина проснулась, это я почувствовал по её изменившемуся дыханию. Она открыла глаза и взглянула на меня, а увидев моё нахмуренное лицо и печальный взгляд, беспокойно зашевелилась, а затем, опёршись на локоть, заглянула мне в глаза и с тревогой в голосе спросила:

– Что с тобой, дорогой? Сон плохой приснился? Так ты скажи про себя – «Плохой сон уйди, а хороший останься», вот и будет всё в порядке. А, если не поможет, то я тебе помогу...

– Ничего, ничего, ты не беспокойся, спи, радость моя, у меня всё в порядке, – попытался я успокоить верную подругу.

– Но, я же вижу, грызёт тебя какая-то печаль-тоска. Так ты расскажи мне, и мы вместе подумаем, как справиться с ней..., доверься мне, любимый...

– Спасибо, родная, но не сможешь ты мне помочь. Должен сам я со всем справиться.

– Это ты о своём друге, – догадалась она, – и, о своей тюрьме, да?

В ответ, я только тяжело вздохнул и растрепал волосы на Иркиной голове.

– Лёша, мы вдвоём с тобой – СИЛА! Мы справимся! Я тебе во всём, во всём буду помогать, ты не думай... Я, конечно, трусиха невероятная, вот, даже к тебе в квартиру побоялась зайти, но я исправлюсь – Честное благородное слово! Ты только не замыкайся в себе, Лёша, делись со мной...

Я прижал к себе свою, пообещавшую быть в будущем храброй, подружку, и запечатлел на её головке благодарный, не совсем отеческий, поцелуй.

Пора было вставать и приступать к выполнению своего плана. Я и так столько времени потерял, разнежившись от тихой размеренной жизни в деревне рядом со своей любимой девушкой. Как говорили раньше? – «Вставай, труба зовёт!» Вот и меня звала труба на «Бой кровавый, святой и правый...!»

* * *

Ирина довезла меня до бывшего моего с Севкой офиса, и высадила за квартал от него – так я попросил. Медленно шагая, я внимательно смотрел по сторонам, надеясь увидеть сторонних наблюдателей. Все мы, когда-то начитавшись детективов, представляли себя в роли хитрых и умных суперменов-сыщиков. Наверное, и я, хоть и произвольно, представил себя вот таким, сыщиком. Подняв воротник куртки, и надвинув шапку почти на глаза, я...

– Мужчина, у вас не найдётся, чем-нибудь прикурить сигарету.

От неожиданности я вздрогнул и, не успев ещё осмыслить вопроса, отскочил в сторону, и лишь потом, оглянувшись на спросившего прикурить, человека.

– Ооо, простите я, кажется, вас не на шутку испугал? Ещё раз простите.

Сбоку меня стоял мужчина, вполне респектабельного вида и крутил в руках сигарету.

– Нет-нет, что вы! Просто я задумался, – стал выкручиваться я, – а, чем прикурить, – я, невольно развёл в стороны руки, – у меня нет. Простите, я не курю.

– Это вы меня простите, что потревожил вас. И мужчина споро зашагал дальше.

А, чтоб тебя! – чертыхнулся я в сердцах, на попросившего прикурить, пешехода. Из-за тебя, чуть душа в пятки не ушла. Нет, так дело не пойдёт, решил я, нельзя уподобляться пуганой вороне и шарахаться от каждого куста.

Приняв такое судьбоносное решение я, расправив плечи и выпрямив спину, бодро зашагал в сторону офиса.

Напротив, через дорогу, располагалось небольшое кафе, куда наши сотрудники в перерыв бегали перекусить. Сейчас, увидев его и вспомнив, я поступил так же, Примостившись у окна, заказал себе эспрессо кон-пана и, поглядывая, как-бы из праздного любопытства в окно, стал наблюдать за жизнью на противоположной стороне улицы.

Посетители, как и раньше, входили в офис и выходили. Ничего не изменилось за время моего отсутствия, мне даже

показалось на мгновение – отсутствуй мы с моим другом, Севкой Куприяновым, вообще на земле, офис всё равно будет функционировать.

Разглядывая проходящую мимо моего наблюдательного пункта жизнь я, в первый момент, не обратил внимания на вывеску у двери, а потом, так и впился в неё взглядом. Наша была голубая с позолоченными буквами, а эта... , чёрт, надо же – на муаровом фоне серебром было написано – «АМПЛИТУДА». А ниже – «Головной офис сети ателье Куприянова В. К.».

Я подумал, что у меня галлюцинация, потёр глаза кулаками, для большей пользы ещё поморгал, и вновь впился глазами в вывеску. Нет, ошибки не было. Там, действительно, было написано, что сеть ателье принадлежит Куприянову В. К..

Наверное, однофамилец, мелькнула у меня мысль, но почему инициалы такие же, как у Севки? Я даже о кофе забыл и разволновался так, что не заметил, как смахнул чашку со столика.

Раздался звон разбившейся об пол чашки, и этот звон вернул меня в действительность. Подошедшему на шум официанту я пообещал, что оплачу урон и попросил принести ещё кофе. Поняв, что посетитель оказался с мирным нравом, он ретировался. А я задумался...

Как же так, я же точно помню, как укладывали мёртвого Севку на носилки, как всё там фотографировали и зарисовывали... В конце-концов, не во сне же мне приснилось, как

мне заломили руки и надели наручники? За сны в тюрьму не сажают.

От калейдоскопа скачущих мыслей, голова шла кругом, и ни одного, сколько-нибудь разумного объяснения, я не мог найти. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Нужно встать и пойти разобраться прямо сейчас, иначе я могу свихнуться от неизвестности...

Неужели Севка жив? Тогда, почему я сижу, то есть, сидел в тюрьме и, за что? Почему Севка, мой лучший друг, не нашёл меня, не написал ни одного письма? Господи, вразуми меня! Помоги, Господи, разобраться во всей этой непонятной для меня ситуации.... И, не допив кофе, ничего не замечая вокруг, направился через дорогу, Казалось, я ослеп и оглох, и только резкий сигнал, чуть не сбившего меня автомобиля и нецензурная брань водителя, заставили меня немного прийти в себя.

На первый взгляд в офисе ничего не изменилось. Всё так же сидели у компьютеров служащие, всё так же пара парней курила на лестничной площадке, а за столом, всё также сидела секретарша, но... всё это были другие люди, совершенно мне незнакомые.

Вместо смешливой и живой как ртуть Вали, за секретарским столом с неприступным видом восседала солидная дама в роговых очках. На двери моего кабинета висела другая табличка, и с другой фамилией. Только на Севкиной двери, продолжала красоваться всё та же – голубая с позолотой, и на ней всё та же фамилия – Куприянов В. К.

Солидная дама-секретарь подняла на меня взгляд, и оценивающе осмотрев меня, казалось, она хотела определить стоит ли на меня тратить своё драгоценное время, холодно поинтересовалась:

– Вы по какому вопросу, гражданин? Если к нам, я смогу вам помочь.

– Я бы хотел сделать у вас оптовый заказ на пошив...

Поднимаясь по лестнице в офис, я успел подготовить, на всякий случай, ряд вопросов и ответов для разговора, поэтому держался уверенно, как знающий себе и времени цену, человек, человек с большим опытом.

...Сделать заказ на пошив униформы для своих работников, – добавил я.

Дама немного подобрела, смягчила взгляд и, с вежливо-приторной полуулыбкой посоветовала мне обратиться к главному дизайнеру, и показала на манекюрным, холёным пальчиком на дверь моего бывшего кабинета.

Сколько всего произошло после моего последнего посещения кабинета? Хотя бы одним глазком заглянуть в него – ностальгия так одолела меня, что я еле удержался, чтобы прямо сейчас, без разрешения, не открыть дверь кабинета и не войти.

– Простите, но я бы хотел вначале поговорить с Куприяновым Всеволодом Константиновичем.

– Вы хотели сказать – с Владленом Кимовичем, – дама отрицательно покачала головой. – Его нет в офисе, а когда

будет..., я не могу сказать.

– Но..., простите, раньше я имел дела с Всеволодом Константиновичем.

Мой изменившийся от волнения голос задрожал, и дама тут же внимательно окинула меня подозрительным, выработанным многолетним опытом, канцелярским взглядом.

– Я ещё раз повторяю Вам, здесь нет никакого Всеволода Константиновича. – Возможно, раньше..., до меня, а сейчас здесь директором Владлен Кимович.

– Хорошо, тогда я зайду попозже. Когда ваш шеф вернётся?

– Может быть, вы всё же поговорите с его заместителем?

– Нет, спасибо. Я привык решать дела с первыми руководителями. Так, понимаете ли, надёжнее. – Когда, вы говорите, он вернётся?

– Не ранее, как после обеда, – ответила дама, потеряв ко мне интерес, и мгновенно, как по волшебству, стала неприступной и холодной.

Я спускался по лестнице и на душе у меня было радостно и светло, если может быть радостно и светло при известии, что кабинет твоего погибшего друга занимает какой-то там, Владлен Кимович – просто однофамилец с похожими инициалами, а не Севка.

Я радовался тому, что напрасно переживал сидя в кафе, что мой друг меня не подставил, что я..., в общем, я радовался.

Выйдя из парадного, я пошёл вдоль улицы, чтобы немного «убить» время.

Ничего не изменилось за время моего отсутствия, даже продавщица газет в киоске, тётя Люба, всё так же приветливо улыбалась каждому прохожему.

Мне захотелось, по старой привычке, подойти к ней и, купив газету, поинтересоваться её здоровьем, и в шутку спросить, не выдала ли она свою непутёвую дочь замуж, а услышав в ответ – за тебя Алексей, я бы с удовольствием. А мне бы, отшутиться – да я бы женился, вот только времени нет, работа заела.

Когда это было, и со мной ли? – вздохнул я и, не оставиваясь, пошёл дальше. Погуляв пару часов, вернулся на свой наблюдательный пост. Столик, за которым я раньше сидел, заняла молодая воркующая пара, и мне пришлось примоститься за другим, подальше от окна. Как видно шеф ещё не приехал – у подъезда не стояла машина, и за рулём её не сидел «персональный» водитель.

Просидев ещё час, и не дождавшись приезда «объекта наблюдения», я вышел из кафе и только собрался «размять ноги», как к офису подкатил огромный чёрный «Djeep». Открылась дверка автомобиля и из его просторного, как однокомнатная квартира, нутра, вылез крупный мужчина. Его наголо, по современной моде, обритая голова и распахнутое велюровое пальто, говорили, даже не говорили, а кричали – смотрите, какой я богатый и успешный, куда вам до меня!

Даже его автомобиль с тупой, блестящей на солнце, хромированной облицовкой радиатора, предупреждал – не становись на дороге – растопчу.

Под стать хозяину был и водитель – огромный амбал, с кулаками-гирями и лоснящимися щеками.

Мужчина и водитель направились к входной двери.

Я сразу догадался – это и есть Владлен Кимович, новый хозяин нашего с Севкой, офиса. Слишком уж ярко было выставлено у него «Хозяйское», да и охранник офиса, увидев его, очень уж низко склонился в приветствии. Как тут было не догадаться – «Кто есть Кто!»

Мне хотелось проследить за ним, за его перемещениями, хотя бы за сегодняшний день. Узнать, где он живёт, с кем общается... Всё это нужно было мне, чтобы спланировать свои дальнейшие действия.

Прослонявшись часа два по ближайшим улицам, я окончательно замёрз, и чуть ли не бегом направился к офису. Было без пятнадцати минут пять, вечера. Вот-вот должен был закончиться рабочий день. Но каково же было моё разочарование, когда я не увидел машины у входа.

Я стремглав бросился внутрь, хотя до сих пор не пойму зачем, и застал даму-секретаря ещё на рабочем месте.

Указав пальцем на дверь, я поинтересовался, на «месте» ли хозяин, и получил лаконичный ответ – нет! Затем, я попытался вовлечь даму в разговор, и поинтересовался – куда подевалась девушка, которая здесь работала?

Получив в ответ холодное – не знаю, я решил подойти к этому же вопросу с другой стороны.

Мне, только в процессе разговора с секретаршей, пришло в голову – кто, как не наша Валя-секретарь лучше всех может быть осведомлена о последних днях нашего офиса, тем более что, идя по коридору, я не встретил ни одного человека, с которым бы я раньше работал.

Получается, новые хозяева сменили весь персонал, посадив на место моих сотрудников, своих.

– Понимаете, – начал я сокрушённо, – она мне должна очень приличную сумму денег, ну..., понимаете, так получилось. Я ей занял, а вот теперь.... Вы не могли бы подсказать её домашний адрес.

По-видимому, слово деньги, на даму действовали магически и, произнеся презрительно-оскорбительным тоном, – этой фифе? Нашли, кому занимать...

Вероятно, она запомнила, что я, в будущем, серьёзный потенциальный заказчик, и решила со мной быть вежливо-услужливой.

– Подождите одну минуту. Я, где-то записывала, так, на всякий случай, её домашний адрес, понимаете, мало ли, что. Вдруг хозяину понадобится уточнить некоторые вопросы... Ответы, на которые может знать только она.

– Конечно, конечно. Я вас прекрасно понимаю, – решил я подольститься. Хорошие работники, тем более такие преданные и пекущиеся о благополучии своего хозяина, как вы,

сейчас исключительная редкость... Я, вот, тоже ищу себе такую же, но, увы! Не могу найти. Если надумаете поменять место работы – милости прошу ко мне, не пожалеете, – добил я её последними медовыми словами.

Она зарделась от похвалы и, мгновенно, словно волшебник, выдвинув один из ящиков стола, нашла не только домашний адрес Валентины, но и номер её домашнего телефона.

Расшаркавшись, как истинный джентльмен, и поцеловав на прощание засмущавшейся даме дебелую ручку я, помогу, окончательно завоевав её доверие, ретировался.

Покинув офис, становил такси и, не теряя времени понапрасну, решил поехать к Валентине, и кое о чём расспросить её. Я был уверен, она не только не выдаст меня, но и расскажет всё, что происходило с моим бизнесом в моё отсутствие. И я, и Всеволод, мы оба доверяли ей.

На мой настойчивый звонок, вышла не Валя, а какая-то женщина, лет пятидесяти с хвостиком, но неуловимо чем-то похожая на неё. Я догадался, это её мать или, по крайней мере, её родственница.

Такая же, как Валя, темноволосая, с глазами, цвета тёмного шоколада, и по-юношески стройной фигурой, она была очень похожа на цыганку, или на гречанку. Знаете на ту, что Стенька Разин бросает за борт лодки в набежавшую волну. Я вежливо поздоровался, извинился за несвоевременное беспокойство и, после всех этих дипломатических реверансов,

поинтересовался, могу ли я поговорить с Вале́й.

В ответ на мою просьбу увидеть Валу и поговорить с ней, получил совершенно неожиданный отказ:

– Нет. Она здесь не живёт и..., скорее всего, больше жить не будет.

– Как, так? – ошеломлённо пробормотал я. Она моя бывшая сотрудница и, я порылся в кармане, вот её адрес..., мне в канцелярии его дали...

– Раньше, до свадьбы, да, это действительно был её адрес, а сейчас... ищите её в Челябинске. Она вместе с мужем туда уехала.

– Если бы я знал, – быстро нашёлся я, – я бы обязательно к ней заскочил. Я, вот, только на днях, вернулся из тех краёв..., какая жалость. Мне очень нужно было с ней поговорить, может быть, вы сможете мне помочь?

– Странно... Чем же я-то могу вам помочь? Я не Валя..., я... её мать.

– Знаете, я хотел у неё расспросить, как так получилось, что она уволилась в моё отсутствие, и по какой причине? Может вам она что-нибудь рассказывала, – с надеждой в голосе произнёс я.

Женщина на какое-то мгновение задумалась, а затем, отступив в сторону, пригласила меня войти.

Мы прошли в небольшую, тщательно прибранную комнату с обязательным телевизором на тумбочке и персидским ковром над диваном.

Пол был застелен домоткаными дорожками красивой расцветки, а посредине стоял круглый небольшой стол, застеленный скатертью с каким-то затейливым орнаментом. Сколько я ни пытался в нём разобраться, у меня ничего не получилось: какие-то ромбики переплетались с кружочками и квадратами, а всё это было оплетено, насколько я понял, ветвью какого-то тропического дерева.

Не успел я сесть на диван, как ко мне на колени запрыгнула лохматая двухцветная кошка и, начав тереться о мой пиджак, громко замурлыкала.

– Варька, а ну брысь! Она линяет, – почему-то обеспокоилась хозяйка, – так, что, вы гоните её от себя, а то шерсти налипнет на костюм...

– Ничего, ничего, пусть сидит.... Милая кошечка..., – я почесал её за ушком.

По-видимому, моё поведение понравилось хозяйке, и она, сев на стул, вопросительно посмотрела на меня, казалось, она чего-то ждала от меня.

Тут я спохватился.

– Оо-о, простите, – прижав руку к груди, поднялся я с дивана, – простите мою бестактность, я не представился. Разрешите исправить мой пробел в воспитании...

– Никогда не поздно исправиться, – женщина мило улыбнулась.

Мне очень понравилась Алина Вячеславовна, Валина мама. Мы с ней долго беседовали, а потом, ещё и пили хорошо заваренный на травах, вкусный, чуть-чуть отдающий мятой, чай.

Ушёл я от неё часов в восемь вечера, но зато наполненный впечатлениями о последних днях работы Валентины, и по какой причине я не увидел на рабочих местах свою, тщательно подобранную команду.

Ира уже была дома, а на столе меня ждала любимая мной, аппетитная яичница с беконом и свежая зелень. Украшала стол запотевшая бутылка Боржоми.

– Ты, где так задержался? Что, я тебе уже надоела? Воспользовался моей добротой, и я уже больше не нужна, к другой полетел? – тоном сварливой жены упрекнула меня Ирка, и подозрительно взглянула на мой пиджак с прилипшими кошачьими волосами.

Я, как верный и любящий муж, рассказал ей о своих «похождениях», и пожаловался – у меня ноги гудят от бесконечного занятия шагистикой...

И, чтобы всё ей было до конца понятно, добавил – плохо быть без седушки с колёсами под мягким местом. – Знаешь, за время нахождения «на зоне» я как-то не отвык от хороших автомобилей. Жаль, что я не могу воспользоваться своей хондой.

– Алексей, я вот посмотрела на тебя, послушала, и подумала, – в твои ли годы, так говорить?

– В мои, в мои... – Ты знаешь, что мне бабушка постоянно твердила? Не знаешь! Так вот, я тебе скажу. – А, твердила моя любимая бабушка и вбивала в голову старую, старую мудрость – «Не побережешься в молодости, в старости уже нечего будет беречь».

Ну, что скажешь на это, дорогуша?

– А то скажу, мой дорогой, что, если не будешь двигаться, то заплывёшь жирком, и не будут тебя девушки любить... – Представляешь, горе-то, какое для меня!

– Но, ты же меня любишь, сама как-то во сне призналась, разве нет?

– Во-первых, ты ещё не превратился в жирного, толстого борова, а во-вторых...

– Что, во-вторых? Пожалуйста, уж договаривай, добивай «слабого» мужчину и я, схватив её в охапку, закружил по комнате.

– Отпусти меня, немедленно! – смеясь, приказала она. – Немедленно отпусти..., нахал бессовестный! Ишь ты, я, видите ли, во сне ему призналась в любви.

– Не отпущу, пока не скажешь что, во-вторых.

– А, во-вторых, – она лукаво улыбнулась, – а, во-вторых..., я пошутила. Любят не за что-то: не за ум или красоту, не за накачанные бицепсы и не.... В общем, любят, потому что, любят.

Разве ты не обращал внимания на некоторые семейные пары – она, такая красавица, или он, а рядом с ней, ну, или

с ним – смотреть не на что, а ведь всю жизнь вместе, у них, понимаешь – любо-о-вь! Вдумайся в это слово – ЛЮБОВЬ!

– А-а... так это у нас тоже так, – решил я поддеть её, – значит, рядом с тобой живёт красавец мужчина, с прекрасной, холёной бородой, а ты...

Я не успел закончить, как в меня полетела подушка, затем, последовала вторая...

– Это, я то – смотреть не на что, да? Я, да? Да я, если захочу...

Она не успела договорить, чтобы она захотела, если бы..., потому что, я вновь обхватил её, крепко прижал к себе и закрыл её сладкий ротик поцелуем. Она попыталась вырваться из моих объятий, а потом странно притихла, а ещё через мгновение... стала отвечать мне встречными поцелуями...

И мы закончили наш «семейный» разговор на разобранном в одно мгновение, диване.

Когда Ирка закончила изображать из себя наездника, а я довольную лошадку..., после новой, шуточно-сладкой перепалки я, уже вполне серьёзно спросил Ирку:

– Ириш, в твоём удостоверении какая специальность указана, журналист или менеджер? Я, конечно, не разбираюсь в вашей специфике, но...

– Менеджер. А, что? Для тебя так важно, какую должность я занимаю?

– Для меня, нет, но... для дела... Ты можешь сделать так, чтобы ты стала журналистом или корреспондентом...

ну, или что-то в этом роде?

– Странная просьба, ты не находишь, Алексей? Ии-и, за чем тебе это нужно?

– Зачем, зачем... , затем! Мне нужно, чтобы ты, под видом журналиста, пошла в районный отдел милиции к следователю Кондратьеву, ты его должна помнить. Ну, тот, который вёл моё дело, и узнала адреса и фамилии свидетелей... Короче, все данные по ним: домашние адреса, место работы... ну, и...

Пока я говорил, Ирина, повернувшись ко мне, с любопытством, а затем уже с нескрываемым интересом, стала слушать меня. Глаза её заблестели сыщицким азартом и она, перебив меня, произнесла с придыханием – как ин-тере-сно... Ты хочешь, чтобы я всё это сделала для твоего расследования?

– Да, дорогая, – ответил я, донельзя изумлённый её «догадливостью».

– Вот здорово-то, как! Лёш, а зачем менять удостоверение? Я и со своим удостоверением, гожусь для такого дела, – она, о чём-то думая, немного помолчала... – Лёша, я ему скажу, что собираюсь писать книгу... – У меня же удостоверение работника Союза писателей... Ты видел моё удостоверение, нет?

– Ты думаешь, он поверит? – с сомнением посмотрел я на Ирку.

– Ого, ещё как поверит, – и, говоря эти слова, загадочно

улыбнулась.

Не долго, думая, я поднёс кулак к её хорошенькому, с четырьмя конопушками носику, – вот это видишь? – спросил я с угрозой. – Только вздумай...!

– Лёшенька, дорогой, ты совсем не так меня понял... Это же..., это же...

– Я всё правильно понял. Нечего другим мужикам глазки строить!

– Алексей, да ну тебя, это же для дела, – и она обиженно надула губки.

Ну разве можно было долго сердиться на неё. Конечно, нет. И я попросил у неё прощения.

Почему-то, во всех наших небольших разногласиях, всегда виновным оказывался я, и мне же приходилось просить у неё прощения. Но, я не обижался, мне это даже нравилось. Я, в качестве прощения, получал поцелуй.

Она ещё немного пообижалась, а потом, прильнув ко мне, прошептала: «Фу, противный. Ну, почему я не могу долго сердиться на тебя?» – и закончила свою речь поцелуем.

Я разомлел от ласки и совсем уж собрался быстренько закруглить наш разговор, и приступить к более «приятному делу», но она не дала мне такой возможности. Затормошив меня, она произнесла:

– Эй, нечего глазки прятать, ишь, замаслились... ты, ещё должен мне рассказать, как твоя фирма перешла в чужие руки... – Дорогой, вспомни, ты только сказал, что был у матери

Валентины, а саму суть разговора с ней, ты мне не рассказал.

– Да, зачем это тебе надо? – удивился я странной её просьбе.

– Затем... – Если я буду знать подоплеку всей истории с твоим бизнесом, мне легче будет уяснить роль каждого свидетеля в твоём деле.

– Господи, Ирка, да я сам во всём разберусь, не заморачивайся. Ты только данные по свидетелям собери. Это же для меня такая помощь, такая помощь!

– Не расскажешь, не буду тебе помогать! – насупилась она. Зная её строптивый характер, пришлось отложить «приятное дело» на неизвестно какой срок и выложить ей всё, что мне поведала Алина Вячеславовна, вернее, то, о чём ей перед отъездом рассказала Валентина.

А дела и впрямь стали твориться непонятные:

Когда погиб Всеволод Куприянов, а Иваницкого арестовали за убийство напарника, в фирме стали твориться странные дела, поведала мне мать Валентины. Все те связи и заказы, что мы наработали своим непосильным трудом, почему-то стали рушиться. Заказчики, чуть ли не в один день прибежали в фирму расторгать, несмотря на штрафы за одностороннее расторжение, заключённые договора.

Временно исполняющая обязанности директора, технолог Рая, хваталась за голову, не зная, как удержать клиентов. Накопленный капитал вытекал как вода сквозь пальцы. Вскоре нечем стало платить зарплату сотрудникам и они,

по одному, по двое, стали увольняться. Фирма разорвалась не по дням, а по часам, и настал момент, когда она окончательно стала банкротом.

Вот тут-то и налетели, как стервятники, разные прохиндеи, так Валя их обозвала, и пошла драчка за обладание нашей фирмой. Буквально через неделю, каким-то странным образом драка вдруг утихла, и оставшимся сотрудникам сказали, что фирма теперь принадлежит другому хозяину, но кто он, им не сказали. А вот, исполнительным директором стал Владлен Кимович Куприянов. Естественно, он буквально за месяц всех поувольнял, объяснив свои действия «реструктуризацией производства».

Валя, как не отвечающая за производство, продержалась на своей секретарской должности дольше всех, но, в конце-концов, и её попросили освободить место. Через пару месяцев, она встретила хорошего человека и уехала на Урал.

– Вот Ира, вкратце то, о чём мне рассказала мать Валентины. Таким образом, понимаешь, я узнал о последних скорбных днях нашей с Севкой, фирмы. С копиями тех документов, что мы с тобой привезли сюда, я попытаюсь как-то встретиться с нашими бывшими заказчиками и выяснить, почему они так скоропалительно разорвали с нашей фирмой договора? – Чувствую, кто-то из акул местного бизнеса на них здорово надавил.

Видишь ли, наши клиенты не один год сотрудничали с нами и вдруг.... Понимаешь, так не бывает, чтобы они в одно-

часье бросили нас без причины... Я найду, я докопаюсь «откуда ноги стали расти», или я не Иваницкий!

– Теперь мне всё понятно, Лёша. Кто-то очень, очень захотел завладеть вашей фирмой и пошёл даже на убийство... Ноо, мы найдём этого «Кто-то», правда, Лёша?

Повторив рассказ для Ирины, я вспомнил наших клиентов одного за другим, потом Севку, потом... Мне почему-то стало уже не до «того».

– А, теперь, Ириш, давай баиньки. Как говорится: «Утро вечера мудренее». Спи моя ласточка.

За окном уже начал сереть рассвет, а я всё никак не мог уснуть. Рядом спокойно посапывала носиком Ирина и даже в сером предрассветном свете, заползшем в домик, видно было, как какие-то сны тревожили её. То она хмурила брови, а то вдруг, радостно-безмятежная улыбка ложилась на её лицо.

Я полюбовался ею, а затем, обняв и закрыв глаза, приказал себе спать. Не знаю уж, что помогло мне, но я действительно, почти мгновенно провалился в сон.

Глава восьмая

– Виталий Павлович, здравствуйте! Я хотел бы у вас... кое-что узнать...

– Позвольте полюбопытствовать... Вы, кто? От какой организации? Я вас не знаю.

– Я? Я из частного детективного агентства «Салют», – от-

ветил я, и помахал перед носом директора театра, отпечатанным на цветном ксероксе удостоверением (его изготовила Ирина у себя дома, а ламинирование сделала в ближайшем пункте, где производили такие операции). И, продолжил, – я хотел бы у вас получить разъяснение по поводу неожиданного разрыва ваших отношений с фирмой «Эврика»...

– Странно..., столько времени прошло..., а почему вас заинтересовал этот вопрос, – насторожился директор.

– А потому, Виталий Павлович..., потому, как оказывается, у Куприянова Всеволода Константиновича имеется наследник, вы же были очень хорошо знакомы с ним, не так ли? – я решил немного надавить на него, – вот он, я имею в виду наследник, и заинтересовался, почему процветающая фирма, как-то так, вдруг, в одночасье, обанкротилась. И попросил нас разобраться в этой «скоропостижной кончине».

Лоб Виталия Павловича покрылся мелкими бисеринками пота. Достав большой клетчатый платок, вытер лицо и, лишь проделав эти незамысловатые, но помогающие потянуть время и приготовить ответ, сказал:

– Я снял заказ из-за нехватки финансовых средств. Понимаете, вначале нам пообещали определённые субсидии, а потом..., – он опять вытер лоб, – а потом, отказали...

– Ой, ли, Виталий Павлович! Я поинтересовался через компетентные органы – у вас с финансированием всё в порядке, – решил я взять его на «пушку». – И заказ вы с новым

владельцем быстренько возобновили, с чего бы это, а?..

Насчёт заказа я не врал. Когда я подошёл к столу дамы-секретаря, она как раз наводя порядок в своём делопроизводстве, подшивала в папку договор, подписанный директором театра.

Директор смотрел на меня загнанным волком. По его позе и виду я понял, я на правильном пути, но сейчас, главное, не передавить, не заставить его очень сильно испугаться, иначе он тут же, после моего ухода, позвонит.... А вот кому позвонит, я не смогу узнать. Надо чуть-чуть ослабить нажим, решил я и, уже более мягко, продолжил:

...Так что, Виталий Павлович, подумайте, чего или кого вам, собственно, опасаться?

Нуу, позвонили вам, вы же маленький человек, не правда ли? И тут же я надавил – позвонили, так?!

Мне нужно было добиться от него, чтобы он хотя бы кивнул головой, или ещё как-нибудь показал, что да, на него надавили. Тогда я буду знать, что это не его решение. И я, затаив дыхание, ждал.

Он не выдержал. Он кивнул головой.

Теперь мне было легче, меня отпустило напряжение, в котором я находился во время этого трудного для нас обоих, разговора. Я мягко попросил его рассказать, даже попытался подсказать, как всё было: вам позвонили, или... к вам пришли, кто пришёл...

– Но, вы обещаете мне, что наш разговор останется между

нами?

– Да, обещаю! – твёрдо пообещал я, и посмотрел ему в глаза.

– В тот вечер я, как обычно, задержался в театре допоздна, и уже собравшись уходить, – стал он рассказывать о случившемся, – услышал, как в приёмной зазвонил телефон. Секретарь давно уже ушла, и мне пришлось самому поднять трубку – «Виталий Павлович?» – услышал я незнакомый голос. Да, ответил я, и почему-то заволновался. А в трубке продолжили – «Я бы настоятельно рекомендовал вам разорвать договор на пошив костюмов с «Эврикой».

– Послушайте, кто это говорит? – поинтересовался я, начиная пугаться. – «Какая вам разница, услышал я в ответ, допустим, ваш благожелатель...», и в трубке раздался смешок.

Я пообещал подумать. – «Ну, что же, подумайте, подумайте, ответили в трубке, только не затягивайте ваши раздумья». И трубку положили.

– И это всё? – разочарованно спросил я. И больше вас никто не тревожил?

– Почему же, всё? Через три дня опять позвонили, и тот же голос спросил: «Ну, как, дорогой, надумал?»

Что-то в его голосе с чуть слышным кавказским акцентом мне показалось не так, какая-то фальшивая нотка чувствовалась в нём. Я же артист, во всяком случае, хотя и бывший артист, но могу отличить настоящий кавказский акцент

от искусственного.

– И, что, это был настоящий кавказец? Вы, всё-таки определили?

– Определил.... Нет, это была грубая подделка под кавказский говор, и меня этот голос ещё больше напугал...

– Что же вы ответили этому, настырному «не кавказцу»?

– Он почти не дал мне времени на обдумывание ответа. – «У вас прекрасная дочь и, она замечательная актриса, сказал он – я её видел, когда она выходила из театра, и даже познакомился с ней... Прекрасная девушка...»

...Я, я очень испугался за дочь. – Не смейте! – закричал я в трубку, а он только усмехнулся – «Всё зависит от тебя дорогой. Ну, как, надумал?»

А куда, спрашивается, мне было деваться, ведь угрожали жизни не кому-нибудь, а моей дочери..., моей любимой дочери. Она подаёт большие «надежды» и, надеюсь, скоро станет «Примой».

Я спросил у него – как я объясню в Министерстве культуры и в бухгалтерии о выставленном штрафе за односторонний разрыв выгодного договора?

Понимаете, поднял глаза директор на меня, я уже был уничтожен, и оставалось сделать один, последний шаг. Ради дочери я его сделал, я согласился.

Маладэц! – похвалил меня голос в трубке. Штрафа не будет, это я твёрдо могу обещать, но ты должен будешь заключить договор с другой фирмой, продолжили на другом конце

провода.

– С какой, другой фирмой? – испугался я. Я не понимаю.... Я, я думал...

– Нэ пэрэживай, дарагой, я тебе ещё пазваню. Сделаешь так, как нужно, и мы с тобой станем друзьями, генацвале. И, опять, не дав мне сказать что-нибудь в ответ, отключились.

– Надеюсь, это всё? Или... меня ожидают ещё какие-нибудь... сюрпизы?

...Не знаю. Месяц спустя, мне позвонил тот же человек, я узнал его голос и сказал, чтобы я заключил договор с фирмой «Амплитуда». Когда я поинтересовался, где эта фирма находится, он засмеялся и, так это, знаете, с лёгкой издёвкой в голосе, спросил – «Шутишь дарагой?» Я, что-то промычал в ответ, а он строго – «В том же офисе, что и с Богом почившая, „Эврика“, понял?»

– И, вы с ним никогда не встречались? Ни разу? Так-таки, ни разу?

Виталий Павлович скорбно улыбнулся, и развёл руки.

– Представляете, никогда.

– А, как же договор, вы же приезжали в офис и подписывали договор?

– Подписывал. На нём уже была подпись директора фирмы и все печати.

– И вас это не насторожило? Вы же, согласно тому же договору, должны были перечислить на их счёт деньги... и не малые, между прочим?

– Я знаю, – опустив голову, произнёс он, – но жизнь моей дочери дороже денег!

– А, вы... не пробовали сообщить в полицию, или... в ФСБ?

– Что вы, что вы! – испуганно замахал он руками, – как можно? Он меня специально предупредил, чтобы я никому, понимаете, никому..., иначе...

Он тяжело вздохнул, а затем грустно произнёс: «Устал я от всех этих тайн. Хоть в петлю лезь. Каждый день думаю о своём предательстве, а толку?»

– Так, всё-таки, костюмы они вам, как обещали, шьют или нет?

– Шьют. Мои коллеги все уже ходили на примерку. Ателье и мастерские ведь остались прежние и мастера мне знакомы, не один год я с ними дела имею.

– Даа, мастера у нас классные, – непроизвольно выскочило у меня.

Чёрт! Надо же, не выдержал, проговорился, испуганно прикрыл я рот рукой, и искоса посмотрел на Виталия Павловича, не заметил ли он моей оговорки. Нет, кажется, не заметил. Он весь в своих заботах, успокоился я.

Директор сидел, пригорюнившись, вертел в пальцах карандаш. Видно было, здорово переживал и своё отступничество от прежних друзей и, особенно, за жизнь и благополучие своей дочери. Затем, поднял на меня умоляющий взгляд и робко спросил:

– Так вы никому не расскажете? Я вас прошу...

– Я же дал слово. В нашем агентстве хранение тайн клиентов обязательно!

– Спасибо! Вот, выговорился немного и на душе полегче стало.

– Скажите, – запоздало поинтересовался я, – а, вы, фамилию директора запомнили? Ну, того, который подписал ваш договор?

– Да. Договор подписал исполнительный директор, Куприянов В. К.

Больше мне узнавать было нечего. Я всё понял. Наш разговор сам собою иссяк и я, попрощавшись с директором театра, направился к выходу из кабинета.

Я уже был почти у двери, когда вдогонку донеслось:

– А, я Вас, Алексей Игоревич, сразу узнал.

Я так и застыл с протянутой к дверной ручке рукой и, какое-то мгновение, даже не мог пошевелиться.

Вот те раз, замелькали мысли в голове: я весь оброс бородой, похудел и считал, что стал неузнаваем, а оказывается... – первый же мой выход в качестве детектива, никого не ввёл в заблуждение. Меня сразу узнали. Что делать? Не признаваться? Тогда он может чёрт знает, что подумать обо мне, и я решил открыться, зачем я здесь. Только поостерёгся говорить ему о своём побеге из мест заключения, и что живу у Ирины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.